

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1904 г.

№ 13.

Четвергъ 25 Марта.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, прив.-доц. А. И. Каминка, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, В. Д. Набокова и проф. Л. Г. Петражицкаго.

Содержаніе: 1) Крестьянское право въ проектѣ гражданскаго уложенія А. А. Леонтьева.—2) Государственное вознагражденіе невинно - привлекаемыхъ къ уголовному суду. В. Н. Ширяева.—3) Мечты отставнаго прокурора. Г. Н. Штильмана.—4) Судебные отчеты: а) Прав. Сенатъ. (Засѣд. гражд. касс. деп. 3 марта); б) Прав. Сенатъ. (Засѣд. гражд. касс. деп. 10 марта); в) С.-Петербургская судебная палата. (Сохраняютъ ли свойство родовыхъ имущества, уступленныя полному товариществу однимъ изъ товарищей); г) Саратовскій окр. судъ. (Оправданіе сознавашагося подсудимаго).—5) Хроника.—6) С.-Петербургское юридическое общество.—7) Отвѣты редакціи.—8) Новыя книги.—9) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).—10) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (Звенигородская, 22. Телефонъ—2967) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 час. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногороднаго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Загородный пр., 2) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Крестьянское право въ проектѣ гражданскаго уложенія.

(Продолженіе ¹⁾).

IV.

Область гражданскихъ правоотношеній крестьянъ страдаетъ важнымъ недостаткомъ: господствомъ въ немногихъ постановленіяхъ закона, направленныхъ къ ея регламентаціи, начала административной опеки. Казалось бы, что никто не можетъ лучше очистить гражданско-правовыя нормы отъ этого, чуждаго гражданскому праву элемента, какъ комиссія изъ юристовъ, специалистовъ по гражданскому праву, хорошо знакомыхъ съ самой характерной особенностью этого права, заключающейся въ томъ, что оно нормируетъ такую область человѣческой дѣятельности, которая болѣе другихъ нуждается въ свободѣ.

Другой важный недостатокъ правового положенія крестьянъ заключается въ полной обособленности крестьянъ отъ законодательныхъ нормъ, дѣйствующихъ въ области аналогичныхъ правоотношеній всѣхъ другихъ сословій Россіи. Комиссіи надлежало объединить гражданскія правоотношенія крестьянъ съ общими нормами гражданскаго кодекса во всѣхъ отдѣлахъ права, въ которыхъ такое объединеніе можно было произвести безъ ущерба для особенностей крестьянскихъ правоотношеній. Цѣлыя отдѣлы гражданскаго кодекса, составленные согласно требованіямъ науки

права и условій современной жизни, сгладившей въ нихъ сословныя и классовыя различія, могли бы быть распространены на все населеніе Имперіи, включая и крестьянъ. Таковы отдѣлы семейственнаго и обязательственнаго права. Въ послѣднее пришлось бы только включить, и это способствовало бы, очевидно, полнотѣ гражданскаго кодекса, такіе виды обязательственныхъ отношеній, которые свойственны быту крестьянъ, какъ напримѣръ, отношенія, вытекающія изъ артели, изъ договора найма скота на работу, отдачи его на прокормъ и пр.

Засимъ, оставались бы въ качествѣ изъятій изъ общихъ нормъ наследственнаго и вещнаго права тѣ институты этихъ правоотношеній, которые вытекаютъ изъ особенностей ихъ быта, изъ строя семьи, общей семейной собственности и общиннаго землевладѣнія.

Наконецъ, третій важный недостатокъ крестьянскаго права—настоящій первоисточникъ крестьянской обособленности въ области гражданско-правовыхъ отношеній—заключается въ смѣшеніи въ немъ элементовъ публичнаго права съ частнымъ и преобладаніе въ немногихъ нормахъ частныхъ отношеній крестьянъ заключающихся въ нашихъ законахъ, чуждыхъ чисто гражданскимъ правоотношеніямъ, фискальныхъ цѣлей.

Желаніе оградить интересы помѣщиковъ на періодъ временно-обязанныхъ отношеній, стремленіе обезпечить уплату выкупныхъ платежей, послѣ перехода на выкупъ, равно какъ и уплату податей и повинностей вообще, вотъ главныя причины тѣхъ огра-

¹⁾ См. „Право“ № 12.

ниченій въ распоряженіи своимъ имуществомъ, которыя допущены въ крестьянскихъ положеніяхъ и которыя скрываютъ гражданскую свободу крестьянской личности.

Въ настоящее время всѣ эти фискальныя цѣли потеряли всякое значеніе. Съ отмѣной подушной подати, съ переложеніемъ государственныхъ и земскихъ повинностей на землю, съ возвышеніемъ цѣнности земли, въ большинствѣ случаевъ съ избыткомъ окупающей выкупные платежи, съ измѣненіемъ системы взысканія окладныхъ сборовъ по закону 23 іюня 1899 года и, наконецъ, съ отмѣной круговой поруки сначала фактически, а нынѣ и въ законодательномъ порядкѣ, исчезли тѣ причины, которыя руководили законодателемъ въ подчиненіи личности крестьянина семьѣ и обществу. Давно назрѣвшая потребность выдѣленія сферы гражданскихъ правоотношеній крестьянъ изъ слитой съ нею сферы публичныхъ правоотношеній въ настоящее время является уже прямо логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ мѣропріятій правительства, и откладывать ея удовлетвореніе дольше нельзя.

Вопросы объ общинѣ, о семейной собственности, о семейныхъ раздѣлахъ, о неотчуждаемости надѣловъ и др. могли бы получить надлежащую постановку только при отношеніи къ нимъ какъ къ чисто гражданскимъ институтамъ, свободнымъ отъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ нормъ публичнаго права.

Къ величайшему сожалѣнію, редакціонная комиссія по составленію гражданского уложенія совершенно иначе взглянула на свою задачу и на свое отношеніе къ пересмотру крестьянскихъ положеній.

Она сознательно ограничилась составленіемъ не уложенія, а только *свода* дѣйствующаго права.

Такое отношеніе къ крестьянскому праву комиссія мотивируетъ слѣдующимъ образомъ. Она говоритъ, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предпринять общій пересмотръ положеній 19 февраля 1861 года и что этотъ пересмотръ охватываетъ собой вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи, при чемъ будетъ осуществленъ и коренной пересмотръ существующихъ постановленій о земельномъ устройствѣ крестьянъ. Трудъ этотъ долженъ будетъ обнять всѣ стороны сельскаго быта и коснуться наиболее существенныхъ и жизненныхъ интересовъ многомилліоннаго крестьянскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ долженъ будетъ даже пойти далѣе законодательнаго акта 19 февраля 1861 года, такъ какъ долженъ будетъ дать отвѣты на такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ 1861 году было признано несвоевременнымъ и невозможнымъ¹⁾.

Рядомъ съ такими надеждами на плодотворность и будущее значеніе трудовъ, предпринятыхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, редакціонная комиссія по составленію гражданского уложенія такъ опредѣляетъ свою не въ мѣру, по нашему мнѣнію, скромную задачу:

„Узаконенія о крестьянскомъ землевладѣніи, говорится въ соображеніяхъ проекта, страдаютъ мно-

гими недостатками, для обнаруженія и исправленія которыхъ не требуется ни кореннаго измѣненія дѣйствующаго законодательства, ни особыхъ сложныхъ изслѣдованій, но которые могутъ быть устранены путемъ приведенія въ надлежащую ясность и стройность существующихъ уже постановленій съ принятіемъ въ соображеніе также судебной практики, главнымъ образомъ рѣшеній Правительствующаго Сената“¹⁾.

„Не подлежитъ сомнѣнію, продолжаетъ редакціонная комиссія, что подобное упорядоченіе дѣйствующихъ постановленій само по себѣ уже явится улучшеніемъ законодательства и настолько существеннымъ, что нѣтъ основанія откладывать его до окончанія общаго пересмотра крестьянскихъ положеній 1861 года“.

„Выполненіе этого труда лежитъ на обязанности редакціонной комиссіи тѣмъ болѣе (sic), что отсутствіе въ уложеніи правилъ о поземельныхъ правахъ крестьянъ явилось бы значительнымъ пробѣломъ въ его содержаніи и нарушило бы его систему“. Какого либо противорѣчія подобнаго упорядоченія правилъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ съ предпринятымъ общимъ пересмотромъ крестьянскихъ положеній редакціонная комиссія не видитъ въ виду различія *цѣлей*, преслѣдуемыхъ въ томъ и въ другомъ случаѣ и въ виду различія въ *материалахъ*, на основаніи которыхъ будутъ производиться эти труды.

Въ основу общаго пересмотра узаконеній 1861 года, по мнѣнію редакціонной комиссіи, будетъ положено подробное и всестороннее изученіе экономическаго и общественнаго быта крестьянъ и послѣдствіемъ этого изученія долженъ явиться законодательный трудъ, *обнимающий собой всѣ стороны сельскаго быта*. Задачи же редакціонной комиссіи, читаемъ мы въ мотивахъ, заключаются единственно въ согласованіи между собой существующихъ уже постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи и въ восполненіи, главнымъ образомъ на основаніи судебной практики, пробѣловъ этихъ постановленій. Предпринятый трудъ явится, по словамъ мотивовъ, какъ бы *подготовительною ступеню* къ работамъ по пересмотру крестьянскихъ положеній, приведа въ стройность существующія правила и облегчивъ такимъ образомъ пользование ими, какъ законодательнымъ матеріаломъ.

Сами составители проекта называютъ свою работу только *частичнымъ* улучшеніемъ „правилъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ“ (опредѣленіе совершенно не цивилистическое).

По справедливому указанію комиссіи, главные недостатки законовъ о крестьянскомъ землевладѣніи заключаются: 1) въ излишней ихъ дробности, т. е. различіи въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ разрядовъ крестьянъ, 2) въ смѣшеніи въ нихъ правилъ временныхъ, утратившихъ уже силу, съ правилами дѣйствующими, постоянными, 3) въ несогласованности, сбивчивости и даже противорѣчіи между собой разныхъ отдѣльныхъ постановленій крестьянскаго права, 4) въ отсутствіи сколько нибудь выдержанной и точной терминологіи и, наконецъ, 5) въ скудости по-

¹⁾ Гражд. улож. книга 3, томъ 3, стр. 63.

¹⁾ Проектъ гражд. улож. кн. III, т. 3-ій стр. 63.

становленій по многимъ важнымъ вопросамъ, вслѣдствіе которой образуются трудно восполнимыя пробѣлы въ законодательствѣ о крестьянахъ. Далѣе, редакціонная комиссія такъ опредѣляетъ *цѣль* и *направление* проектируемыхъ особенностей вотчиннаго права крестьянъ: „Въ основу этихъ постановленій положено объединеніе разрозненныхъ нынѣ постановленій о земельномъ устройствѣ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, бывшихъ государственныхъ и крестьянъ, дворянскихъ и удѣльных, исключеніе правилъ, утратившихъ уже силу, устраненіе сбивчивости и несогласованности отдѣльныхъ постановленій, проведеніе болѣе правильной терминологіи, наконецъ, восполненіе наиболѣе существенныхъ пробѣловъ“¹⁾.

Изъ этого изложенія цѣли, направленія и объема трудовъ редакціонной комиссіи не трудно видѣть, какую узкую задачу она себѣ поставила въ интересующей насъ области и насколько эта задача не соответствуетъ понятію „*уложенія*“ въ обычномъ значеніи этого слова.

Въ основу общего пересмотра, говоритъ комиссія, положено всестороннее изученіе экономическаго быта крестьянъ, а въ основу работъ комиссіи одно редакціонное согласованіе разрозненныхъ законовъ. Но почему же редакціонная комиссія не могла произвести экономическаго изслѣдованія быта крестьянъ, постолько, по-скольку это могло касаться задачи составленія наиболѣе цѣлесообразныхъ и согласованныхъ съ этимъ бытомъ гражданскихъ законовъ? И неужели задача гражданскаго уложенія можетъ быть исполнена безъ изученія экономическаго быта, для нуждъ котораго, въ концѣ концовъ, вѣдь, и пишутся гражданскіе законы!

Разсужденія свои о предѣлахъ работы, предстоящей ей по крестьянскому праву, редакціонная комиссія какъ бы иллюстрируетъ на примѣрѣ общины. Высказывая неблагоприятный взглядъ на общинное землевладѣніе, какъ на такую форму землевладѣнія, которая свойственна некультурному періоду развитія народа и подлежитъ уничтоженію въ будущемъ, редакціонная комиссія признаетъ необходимымъ, однако, нормировать ее, предоставляя вопросъ о желательности или нежелательности этой формы землевладѣнія разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ при предстоящемъ пересмотрѣ крестьянскихъ положеній.

Но, спрашивается, неужели можно двадцатилѣтнюю работу по составленію гражданскаго уложенія ставить въ такую связь съ производящимся пересмотромъ крестьянскихъ положеній, въ силу которой вся работа по составленію уложенія въ области крестьянскаго права можетъ быть уничтожена рѣшеніемъ, къ которому придуть при пересмотрѣ крестьянскихъ положеній? И неужели послѣ пересмотра крестьянскихъ положеній, послѣ разрѣшенія вопросовъ—быть или не быть общинѣ, быть или не быть семейной собственности, придется составлять новое гражданское уложеніе или, по крайней мѣрѣ, пересматривать его немедленно послѣ его изданія?

Высказывая взглядъ, что общину, какъ бы на нее ни смотрѣть, впредь до рѣшенія вопроса объ ея уничтоженіи, нужно регламентировать, редакціонная комиссія тутъ же излагаетъ такія правильныя соображенія, которыя служатъ лучшимъ опроверженіемъ высказаннаго мнѣнія о томъ, что вопросъ о существованіи общины долженъ быть поставленъ на разрѣшеніе при пересмотрѣ крестьянскихъ положеній.

„Было бы вообще *преждевременно*, говорить редакціонная комиссія нѣсколькими строками ниже приведенныхъ нами выдержекъ, нынѣ же приступить къ рѣшенію вопроса о дальнѣйшей судьбѣ у насъ общиннаго владѣнія“.

Крестьянская жизнь находится въ неопредѣленномъ, переходномъ состояніи. Прежній патріархальный бытъ повсемѣстно исчезаетъ, общественное и семейное начала уступаютъ мѣсто началу личному, индивидуальному. Столь недавно еще безграничная власть міра, общества начинаетъ встрѣчать сопротивленіе, какъ со стороны домохозяевъ, которые, какъ представители крестьянскихъ дворовъ, заинтересованы въ огражденіи себя и поземельнаго владѣнія своихъ семействъ отъ произвола сельскаго схода, такъ и со стороны всѣхъ вообще крестьянъ, все болѣе тяготящихся своею зависимою отъ общины, дѣятельностью внутри которой слишкомъ стѣснена и даетъ слишкомъ мало простору частному почину, а выходъ изъ которой связанъ съ безчисленными затрудненіями“.

„Тоже развитіе личнаго начала замѣчается въ семейномъ быту, гдѣ власть домохозяина, какъ главы семьи, какъ неограниченнаго распорядителя семейнымъ имуществомъ, постепенно расплывается, а среди отдѣльныхъ членовъ семьи обнаруживается все сильнѣе стремленіе заводиться, при первой возможности, самостоятельнымъ хозяйствомъ, приобретать, помимо семьи, собственное имущество и удерживать заработокъ въ свою личную пользу“.

„Этимъ объясняется распространеніе семейныхъ раздѣловъ и постепенное ослабленіе семейной собственности“.

„*Цѣль кончится происходящая въ крестьянской жизни борьба различныхъ началъ—заранѣе сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, нынѣ въ самый разаръ охватившаго крестьянскую жизнь преобразовательнаго движенія едва ли своевременно ставить на очередь вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи общины*“¹⁾.

Такъ зачѣмъ же было откладывать дѣло созданія нормъ общинной и семейственной собственности впредь до пересмотра крестьянскихъ положеній? Вѣдь, и этотъ пересмотръ не предполагается откладывать до окончанія охватившей крестьянскую жизнь борьбы, слѣдовательно, и при немъ будетъ несвоевременно ставить на очередь вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи общины.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что у редакціонной комиссіи не было основаній суживать свою задачу и, вмѣсто созданія изъ элементовъ нынѣ существующей гражданско-правовой жизни нашего кре-

¹⁾ Op. cit. стр. 77.

¹⁾ Op. cit. стр. 64—65

стьянства гражданского кодекса, распространяющегося и на крестьянскую массу, — дѣлать мало отвѣчающій ожиданіямъ общества сводъ существующаго писаннаго крестьянскаго права.

Сама редакціонная комиссія, какъ мы выше указали, правильно констатировала пять смертныхъ грѣховъ нынѣшняго крестьянскаго права, его неустойчивость, сбивчивость и противорѣчіе. Но мы не понимаемъ, какъ можно законодателю „сглаживать“ эти недостатки чисто редакціоннымъ, мы чуть не сказали канцелярскимъ, путемъ безъ тщательнаго и всесторонняго выясненія большей цѣлесообразности, большей правильности того или другаго изъ противорѣчащихъ положеній закона? Мы отказываемся понять, какъ въ такой законодательной работѣ можно слѣдовать только судебной практикѣ, правда, много потрудившейся на нивѣ крестьянскаго права, но тѣмъ не менѣе связанной въ своей дѣятельности необходимостью руководиться сбивчивыми, противорѣчивыми, часто устарѣвшими, потерявшими всякое жизненное значеніе, законами? Судебная практика, принужденная подчиняться закону, дѣлала невѣроятныя и нерѣдко безплодныя усилія для согласованія закона съ жизненной правдой, эта судебная практика добровольно избирается главнымъ руководящимъ матеріаломъ для законодательной работы. Это значитъ добровольно наложить тѣ путы, которые именно мѣшали судебной практикѣ вполнѣ удовлетворять требованіямъ жизни!

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Леонтьевъ.

Государственное вознагражденіе невинно-привлеченныхъ къ уголовному суду¹⁾.

Теперь остается выяснить матеріальныя условія вознагражденія, отвѣтить на вопросъ, за какой вредъ и въ какомъ размѣрѣ должно быть выдаваемо вознагражденіе? Вопросъ этотъ точно также представляется тѣсно связаннымъ съ основнымъ взглядомъ на институтъ государственнаго вознагражденія.

Если признать, что выдача государствомъ вознагражденія обусловливается причиненнымъ государственнымъ органами вредомъ и основывается или на общемъ правовомъ положеніи, что причинившій вредъ обязанъ возмѣстить его, или на томъ положеніи, что государство, допустивъ преслѣдованіе невиннаго, поступило неправомѣрно, а потому обязано возмѣстить послѣдствія своихъ неправомѣрныхъ дѣйствій, то вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что размѣръ этого вознагражденія долженъ опредѣляться размѣромъ вреда, причиненнаго неосновательнымъ привлеченіемъ къ суду, включая сюда какъ вредъ непосредственный (*damnum emergens*), такъ и убытки (*lucrum cessans*). Легко себѣ представить, съ какими затрудне-

ніями сопряжено это вычисленіе размѣровъ вознагражденія и какихъ солидныхъ цифръ оно можетъ достигнуть въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Предвидя эти затрудненія, сильно тормозящія осуществленіе идеи государственнаго вознагражденія, сторонники юридической обязанности государства, вопреки своему основному взгляду на принципъ вознагражденія, допускаютъ компромиссъ и высказываютъ взглядъ, что государство не въ силахъ удовлетворить весь вредъ и убытки, причиненные неосновательнымъ привлеченіемъ къ суду, что гражданинъ обязанъ до извѣстныхъ предѣловъ вынести неблагоприятныя послѣдствія привлеченія къ суду и поэтому государственное вознагражденіе должно составлять лишь часть понесеннаго потерпѣвшимъ вреда¹⁾.

Установивъ такимъ образомъ, какъ основной принципъ, что потерпѣвшій не можетъ рассчитывать на полное удовлетвореніе со стороны государства, защитники этого взгляда предлагаютъ различныя системы вычисленія размѣровъ вознагражденія; такъ, одни предлагаютъ предоставить рѣшеніе вопроса о размѣрѣ вознагражденія свободному усмотрѣнію судьи; по мнѣнію другихъ, необходимо установить особую таксу, по которой опредѣлялось бы вознагражденіе за извѣстное количество дней задержанія, наконецъ, третьи избираютъ средней путь и отстаиваютъ цѣлесообразность указанія въ законѣ извѣстныхъ предѣловъ (*maximum'a* и *minimum'a*), которыми судья обязанъ руководиться при опредѣленіи суммы вознагражденія. Подобные способы рѣшенія вопроса о размѣрахъ вознагражденія дѣйствительно значительно облегчаютъ осуществимость института, но за то они, какъ было указано выше, противорѣчатъ основному взгляду на вознагражденіе, какъ на исполненіе лежащей на государствѣ юридической обязанности вознаграждать причиненный имъ неправомѣрно вредъ. Это внутреннее противорѣчіе отпадаетъ совершенно и все дѣло упрощается, если стоять на нашей точкѣ зрѣнія и видѣть въ вознагражденіи пособіе со стороны государства, выдача котораго обусловливается разстройствомъ матеріальнаго положенія невинно-пострадавшаго; при опредѣленіи размѣра этого пособія можно, конечно, руководиться размѣрами дѣйствительно понесенныхъ вреда и убытковъ, но они не имѣютъ исключительнаго значенія. Главное, на что слѣдуетъ обращать вниманіе, — это на матеріальное положеніе потерпѣвшаго послѣ-

¹⁾ Особенно ясно эта тенденція видна въ рефератѣ Nissen'a, который устанавливаетъ „*tempus modicum*“ для болѣе обстоятельнаго изслѣдованія дѣла; привлеченный не можетъ, по мнѣнію Nissen'a, требовать вознагражденія за вредъ, понесенный въ теченіе этого промежутка, точно установленнаго закономъ (*Verhandl. XII, B. I, стр. 59*); такого же взгляда держится Zucker, ссылающійся при этомъ на правовое чувство народа (см. указ. соч., гл. 9).

¹⁾ См. „Право“ № 12.

освобождения его от суда или наказания; сообразно со степенью расстройства этого положения и необходимостью его поддержки и слѣдуетъ установить не только размѣръ, но и видъ вознагражденія; одинъ, благодаря привлеченію къ суду, разстроилъ свое здоровье настолько, что лишенъ возможности содержать себя и семью — ему прежде всего необходимо помочь въ возстановленіи здоровья и, кромѣ того, оказать поддержку семьѣ, оставшейся безъ работника; другой, благодаря той-же причинѣ, лишился мѣста или заработка — ему слѣдуетъ найти то и другое или матеріально поддержать, пока онъ самъ не вернетъ себѣ утраченнаго и т. д. Какъ разнообразны формы невыгодныхъ матеріальныхъ послѣдствій неосновательнаго привлеченія къ суду, такъ-же точно разнообразны могутъ быть и виды оказываемой помощи. Говорятъ, что при такой точкѣ зрѣнія смѣшиваются „задачи института государственнаго вознагражденія невинно-привлеченныхъ къ уголовному суду, задачи ясныя, точныя, математически опредѣленныя, — съ неопредѣленными туманными задачами филантропической дѣятельности, пожалуй, патроната — дѣятельности скорѣе общественнаго, чѣмъ государственнаго характера ¹⁾).

Я думаю, что въ данномъ вопросѣ не столько важно то, какимъ органамъ въ концѣ концовъ будетъ поручено осуществленіе государственной помощи, органамъ чисто-государственнымъ или органамъ общественнымъ, но безусловно важенъ основной принципъ, на коемъ зиждется институтъ вознагражденія. Кромѣ того, развѣ филантропическая дѣятельность выходитъ за предѣлы государственныхъ задачъ, развѣ государство не приходитъ на помощь населенію, пострадавшему отъ того или иного стихійнаго бѣдствія, пожара, наводненія, землетрясенія и т. п. Такая помощь является не только желательной, но и необходимой, особенно тамъ, гдѣ общественная инициатива недостаточно развита или поставлена въ стѣснительныя условія.

Но только стихійныя бѣдствія, разоряющія населеніе, представляютъ явленіе сравнительно рѣдкое, исключительное и потому для организациі помощи населенію, пострадавшему отъ то о или иного стихійнаго бѣдствія, не требуется изданія постояннаго закона, случаи-же неосновательнаго привлеченія къ суду такъ нерѣдки, представляютъ такое заурядное явленіе, что для обезпеченія судьбы невинно-пострадавшихъ нельзя ограничиваться специальными мѣрами и распоряженіями, изданными *ad hoc*, а необходимо изданіе особаго постоянно дѣйствующаго закона, опредѣленно регулирующаго помощь невинно-потерпѣвшимъ...

Въ пользу защищаемаго мною взгляда говорить, между прочимъ, и то обстоятельство,

что ни одно изъ положительныхъ законодательствъ не обезпечиваетъ потерпѣвшему полного удовлетворенія понесенныхъ имъ вреда и убытковъ; они ограничиваются возмѣщеніемъ лишь части ихъ; такъ, по австрійскому закону, лицамъ невинно-осужденнымъ, вполнѣ или частью понесшимъ наказаніе, должно быть выдано „заслуженное вознагражденіе, согласно съ обстоятельствами дѣла“, по датскому закону вознагражденіе должно быть „соотвѣтственное“, законы швейцарскихъ кантоновъ устанавливаютъ вознагражденіе „умѣренное“, „надлежащее“, „удовлетворяющее“ и т. п.

Рѣшеніе важнаго вопроса о томъ, должно ли имѣть мѣсто вознагражденіе въ данномъ отдѣльномъ случаѣ, можетъ быть предоставлено органамъ судебнымъ или административнымъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; такъ, австрійскій законъ окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе опредѣленія о выдачѣ вознагражденія предоставляетъ министру юстиціи; по шведскому закону просьба о вознагражденіи подается черезъ министра юстиціи на имя короля; напротивъ, по германскому закону выдача вознагражденія устанавливается опредѣленіемъ суда, вторично разсматривающаго дѣло. Большинство все таки признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ предоставить рѣшеніе вопроса о выдачѣ вознагражденія уголовному суду, разсматривавшему дѣло по существу; въ пользу такого предоставленія говорятъ соображенія практическаго удобства, такъ какъ этотъ судъ ближе знакомъ какъ съ личностью обвиняемаго, такъ и съ обстоятельствами дѣла.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе процессуальной стороны института государственнаго вознагражденія, замѣчу только, что сторона эта должна быть, по возможности, свободна отъ стѣснительныхъ условій и формальностей, излишне затрудняющихъ какъ ходатайство о вознагражденіи, такъ и самое его полученіе, такъ какъ только при сравнительной быстротѣ и легкости полученія пособия можно рассчитывать, что институтъ государственнаго вознагражденія достигнетъ своей цѣли.

Таковы общія теоретическія основанія института государственнаго вознагражденія.

Подводя итоги сказанному, слѣдуетъ прежде всего признать желательнымъ возможно широкое распространеніе этого института; при этомъ, такъ называемое, идеальное вознагражденіе, въ видѣ печатанія на счетъ государства оправдательныхъ приговоровъ и опредѣленій о прекращеніи дѣла, должно быть предоставлено свободному усмотрѣнію самихъ пострадавшихъ; матеріальное-же вознагражденіе должно имѣть видъ государственнаго пособия, выдаваемого всѣмъ лицамъ, пострадавшимъ отъ неосновательнаго привлеченія къ суду, независимо отъ того, на какой стадіи это привлеченіе остановилось, т.-е. какъ къ невинно-осужденнымъ, отбывшимъ вполнѣ или отчасти на-

¹⁾ См. Н. Н. Розинъ, указ. ст., стр. 99.

казаніе и оправданнымъ послѣ возобновленія о нихъ дѣла, такъ и къ невинно-привлеченнымъ въ собственномъ смыслѣ при условіи:

1) если невинность ихъ доказана и 2) если преслѣдованіе и осужденіе не было вызвано самими потерпѣвшими или, хотя и вызвано ихъ дѣйствіями, но эти дѣйствія не были сознательно направлены на вовлеченіе въ заблужденіе судебныхъ органовъ, а могли быть объяснены страхомъ, смущеніемъ или вообще психическимъ состояніемъ потерпѣвшаго.

IV.

Обращаясь къ Россіи, мы видимъ, что почва здѣсь для принятія института государственнаго вознагражденія представляется достаточно подготовленной. Вопросъ о государственномъ вознагражденіи поднимался здѣсь не разъ и не разъ были случаи вознагражденія потерпѣвшихъ отъ судебныхъ ошибокъ какъ изъ государственной казны, такъ и изъ средствъ, доставляемыхъ общественной благотворительностью¹⁾.

Еще при составленіи уставовъ 1864 г. возникла мысль о введеніи института государственнаго вознагражденія невинно-привлеченныхъ къ уголовному суду. Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи, при обсужденіи началъ, вошедшихъ въ ст. 780—784 уст. уг. суд., предлагали предоставить суду право „ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ о вознагражденіи оправданнаго подсудимаго да-

же и въ томъ случаѣ, если въ неправильномъ привлеченіи къ суду никто не можетъ быть признанъ виновнымъ, если такой подсудимый въ теченіе производства о немъ дѣла содержался долгое время подъ стражей“. Однако, большинство членовъ комиссіи не согласилось съ этимъ предложеніемъ, мотивируя свое несогласіе тѣмъ, „что никто не можетъ быть преданъ суду безъ явныхъ уликъ, что оправданіе является часто только результатомъ ловкости обвиняемаго, умѣвшаго скрыть слѣды преступления, а потому не слѣдуетъ налагать на казну, а черезъ него и на плательщиковъ лишняго бремени. Поэтому цѣлесообразнѣе было-бы, по мнѣнію большинства, вознаграждать такихъ подсудимыхъ путемъ общественной благотворительности“.

Такимъ образомъ, хотя въ комиссіи не было разногласія относительно необходимости и цѣлесообразности вознагражденія жертвъ судебныхъ ошибокъ, а разногласіе возникло лишь относительно самаго способа осуществленія идеи вознагражденія, тѣмъ не менѣе, этотъ пробѣлъ въ законодательствѣ остается незаполненнымъ и до сихъ поръ.

Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ 1894 г. стремится восполнить этотъ пробѣлъ; по ст. 1039 проекта новой редакціи устава уголов. суд. „въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда представляются особы уваженія къ вознагражденію оправданнаго подсудимаго, о коемъ, вслѣдствіе обнаружившихся доказательствъ его невинности, дѣло было возобновлено и вступившей въ законную силу обвинительный приговоръ былъ отмѣненъ, суду дозволяется ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ, черезъ министра юстиціи, о вознагражденіи подсудимаго, невинно понесшаго наказаніе. Предварительно всеподданнѣйшаго доклада упомянутаго ходатайства, министръ юстиціи входитъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ“.

Очевидно, что сдѣланный комиссіей шагъ, хотя и является шагомъ впередъ сравнительно съ существующимъ положеніемъ въ томъ смыслѣ, что придаетъ законную санкцію установившейся практикѣ, тѣмъ не менѣе далеко не разрѣшаетъ вопроса во всей его полнотѣ и представляется совершенно недостаточнымъ по сравненію даже съ наиболѣе ограниченными законами Запад. Европы; несмотря на всю ограниченность, эти законы имѣютъ въ виду всетаки случаи обычные, а отнюдь не „чрезвычайные, представляющие особы уваженія къ вознагражденію“.

Между тѣмъ наша общественная жизнь выдвигаетъ факты, наглядно указывающіе на вполне назрѣвшую потребность въ болѣе удовлетворительномъ разрѣшеніи этого вопроса.

Дѣлаютъ крупныя пожертвованія въ пользу потерпѣвшихъ отъ судебныхъ ошибокъ, каковы напр., пожертвованія Буцковскаго и Яне-

¹⁾ Въ нашей старой судебной практикѣ извѣстенъ одинъ случай, когда было выдано вознагражденіе изъ государственнаго казначейства; въ 1823 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о немедленномъ освобожденіи троихъ невинно-осужденныхъ—Борзкова, Лобанова и Сотникова, обвинявшихся въ убійствѣ дворянки М. Алтуховой и по вторичномъ разсмотрѣнн дѣла признанныхъ совершенно невинными, съ выдачей по 2000 руб. каждому изъ казначейства на счетъ виновныхъ и съ предоставленіемъ свободы тѣмъ изъ нихъ, кои находятся въ крѣпостной зависимости. Хотя въ Высочайшемъ повелѣнн и было сказано, что вознагражденіе выдается на счетъ виновныхъ, но виновные еще въ то время, какъ состоялось это повелѣніе, еще не были обнаружены. (См. Жур. М-ва Юстиціи, 1862 г., августъ, Историч. Вѣстникъ, 1890 г., июль).

По сообщенію Тульскихъ Губ. Вѣдомостей Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на выдачу к—мъ Ефремовскаго уѣзда Остропя. вол., д. Игнатьевки Лаврентью Памфилову и Степану Финову изъ средствъ госуд. казначейства единовременнаго пособія на наилучшее устройство быта названныхъ крестьянъ въ размѣрѣ по 500 руб. каждому въ виду понесеннаго ими по судебной ошибкѣ уголов. наказанія. Памфиловъ и Финовъ въ 1899 г. были осуждены Тульскимъ окружнымъ судомъ за убійство семьи мѣщ. Воронцова въ каторжную работу, куда и были уже сосланы, когда черезъ годъ по ихъ осужденіи одинъ к—нъ Ефремовскаго уѣзда, уличенный въ другомъ убійствѣ, сознался въ убійствѣ и семьи Воронцова (Право, 1901 г. № 32, стр. 1484).

вича-Яневскаго ¹⁾). Каждому, вѣроятно, не разъ приходилось встрѣчать извѣстіе, что присяжные, оправдавъ подсудимаго, собирали между собой въ его пользу небольшія суммы и такимъ путемъ пополюяли пробѣлъ закона, необращающаго никакого вниманія на судьбу человѣка, пострадавшаго невинно; въ русской литературѣ, общей и специальной, вопросъ о вознагражденіи встрѣчаетъ сочувствіе. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляеть желать скорѣйшаго пополненія нашего устава уголовного судопроизводства институтомъ государственнаго вознагражденія, институтомъ, по отношенію къ которому болѣе, чѣмъ къ какому либо другому, примѣнимо названіе „института справедливости, человѣколюбія и государственной пользы“.

В. Н. Ширяевъ.

Мечты отставнаго прокурора.

(По поводу книги „Die Strafinselfn“ von Kasimir Wagner. Stuttgart, 1904 г.).

Какая странная книга. Чего въ ней только нѣтъ? Тутъ и Цицеронъ со своимъ неизмѣннымъ гнѣвомъ на Катиллину, и изреченія графа Мольтке и „трансцендентальное Божество“, и проектъ усовершенствованія малайской расы посредствомъ введенія въ нее арійской крови, и парижская коммуна, и даже, страшно подумать, — анархизм! А вѣдь рѣчь идетъ о „Strafinselfn“, о замѣнѣ тюремнаго наказанія ссылкой въ расположенныя на островахъ нѣмецкія колоніи. Такъ зачѣмъ же понадобилась Wagner'у вся эта „эрудиція“, занимающая добрую половину его обширнаго изслѣдованія? Мнѣ думается, что здѣсь энергично конкурировали между собой два обстоятельства: во 1) усвоенная авторомъ, въ качествѣ современнаго „судебнаго оратора“, — г. Wagner бывшій прокуроръ, — привычка уснащать свое изложеніе всякими, не относящимися къ дѣлу, лирическими и иного рода отступленіями, во 2-хъ) отсутствіе у автора убѣди-

тельныхъ доводовъ, необходимыхъ для обоснованія интересующаго его проекта по существу.

Казалось-бы, что можетъ быть опредѣленіе той задачи, которую предтояло разрѣшить г. Wagner'у, выступившему въ защиту ссылки?! Уголовная ссылка! Сколько по этому поводу писали, говорили, какой богатый опытъ накопился въ этой области у европейскихъ народовъ! Можно было на немногихъ страницахъ, — указавъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ литературу вопроса, — представить результаты примѣненія ссылки по англійскому, французскому и русскому законодательству, подчеркнуть основные дефекты каждой изъ названныхъ системъ, установить причинную связь между постепеннымъ вымираниемъ ссылки и неудовлетворительностью господствовавшихъ до сихъ поръ видовъ организаціи ея въ различныхъ странахъ и предложить, наконецъ, средства для оживленія этой, потерявшей въ настоящее время всякій кредитъ, мѣры уголовной репрессіи. Какъ же поступаетъ нашъ авторъ? Не скрывая отъ себя факта всеобщаго разочарованія въ ссылкѣ, онъ приводитъ самъ главнѣйшія возраженія противниковъ ея, но торжественно тутъ-же заявляетъ, что всѣ неудачи рекомендуемаго института нисколько не говорятъ противъ правильности и исполнимости положенной въ его основаніе идеи, и на этомъ успокаивается. Винавать-де во всемъ „ошибочный способъ примѣненія ссылки, обусловленный недостаточностью служебнаго надзора и другими обстоятельствами“ (стр. 68). Но какъ избѣжать повторенія подобныхъ ошибокъ въ будущемъ, на это мы не находимъ въ книгѣ никакихъ прямыхъ указаній. Напротивъ, есть множество признаковъ, по которымъ можно заключить, что самая суть ссылки, ея специфическія особенности и конечныя цѣли должны быть сохранены, по мнѣнію автора, въ полной неприкосновенности. — Ссылка должна служить раньше всего усиленію чрезвычайно слабо выраженной (?) въ нѣмецкомъ уложеніи идеи устраненія. Вотъ въ этой то связи Wagner и цитируетъ мнѣніе Мольтке и другихъ чуждыхъ криминалистикѣ авторитетовъ. Если ужъ наказывать, такъ по военному! Ссылка наиболѣе подходящій для этого требованія родъ уголовной репрессіи. Необходимо только отдѣлаться отъ ложной жалости, превращающей нарушителя установленнаго правопорядка въ несчастную жертву невѣдомыхъ обидчиковъ: „даже родившійся и воспитанный въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ человѣкъ можетъ избѣжать того, чтобы направить свой жизненный путь по темной стезѣ преступленія“ (стр. 17). Не правда-ли, какъ это просто, а главное убѣдительно?! И не ясно-ли, что съ людьми, не понимающими такой элементарной истины, слѣдуетъ поступать какъ со скотами: „Когда исчерпанъ уже весь запасъ добрыхъ увѣщаній, страхъ предъ кнутомъ все-же можетъ еще оказаться для непокорной лошади послѣднимъ средствомъ принужденія“ (стр. 18). Эта аналогія преступника съ животнымъ проведена, если не по формѣ, то по содержанію, черезъ всю книгу. Еще не успѣвъ намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ сущность своихъ предложеній, авторъ предупредительно замѣчаетъ, что возможнымъ попыткамъ побѣга изъ ссылки слѣдуетъ проти-

¹⁾ Сенаторъ Будковскій пожертвовалъ капиталъ въ 50,000 руб. „въ неприкосновенный фондъ благотворительности для первоначальнаго пособія въ предѣлахъ округа С.-Петербургской судеб. палаты тѣмъ по суду оправданымъ, которыхъ невинность окажется очевидной, а не признанной только по неполности уликъ, и тѣмъ осужденнымъ, которые впади въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ и для которыхъ своевременная помощь можетъ быть спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни“. Свѣдѣнія о расходованіи этого капитала можно найти въ статьѣ Н. Н. Розина, стр. 116. Пожертвованіе сдѣлано главнымъ военно-морскимъ прокуроромъ Яневичемъ-Яневскимъ, пожертвовавшимъ капиталъ въ 1000 рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала выдавались „единовременныя вознагражденія морскимъ нижнимъ чинамъ, которые по пересмотрѣ установленнымъ порядкомъ о нихъ судебного приговора, будутъ признаны осужденными невинно или понесшими наказаніе свыше мѣры содѣяннаго“ (Сборн. узак. и рас. правительства за 1890 г.).

впоставить угрозу „палочными ударами и наложеніемъ цѣпей, какъ это практикуется въ британско-острандскихъ островахъ“ (стр. 61). „Въ случаѣ не безупречнаго поведенія ссыльныхъ должны быть пущены въ ходъ строжайшія взысканія,—особенно работа въ цѣпяхъ, острогранныя нары, на подобіе прежней „zattenstrafe“, — узкая камера, полъ и стѣны которой покрыты обращенными гранью вверхъ многоугольными плитками,—сокращеніе обыденнаго количества пищи, темный карцеръ“ (стр. 281). Провозглашенный французскими колонизаторами принципъ, согласно которому осужденный можетъ по общему правилу претендовать лишь на хлѣбъ и воду, представляется автору достойнымъ подражанія (стр. 282). Въ каждый день *недѣли*, соотвѣтствующій дню осужденія за наиболѣе тяжелое преступленіе, рекомендуется усиленіе наказанія посредствомъ сокращенія пищи и отнятія мягкой постели, а въ каждый соотвѣтствующій день *мѣсяца*—темный арестъ и полное лишеніе пищи (стр. 282). Арестанты дѣлятся на три категоріи: склонныхъ къ исправленію, колеблющихся и упрямствующихъ. Третья группа должна оставаться въ цѣпяхъ днемъ и ночью (стр. 283).

Таковы розовыя видѣнія бывшаго прокурора, выржающаяся въ концѣ своей книги увѣренность, что намѣченная имъ „система ссылки будетъ въ недалекомъ уже времени, къ великому для отечества благу, осуществлена“ (стр. 317).

Къ счастью, однако, увѣренность эта не находитъ себѣ ни малѣйшей опоры въ какихъ-либо объективныхъ данныхъ и должна быть, напротивъ, цѣлкомъ отнесена на счетъ той же самой наивности автора, которой мы обязаны появленіемъ его любопытной въ психологическомъ отношеніи книги. Еще въ 1896 г. вопросъ о ссылкѣ обсуждался, — по поводу петиціи, представленной Вагнеромъ отъ имени „Westfälischer Zweigverein der Deutschen Kolonialgesellschaft“, — въ рейхстагѣ, и несмотря на то, что докладная записка не покусилась на средства для того, чтобы создать настроеніе въ пользу представленнаго ферейнномъ плана, и била къ тому же по самому слабому мѣсту нынѣшняго германскаго правительства, предложивъ распространить новое наказаніе на борьбу съ „партіями переворота“, проектъ встрѣтилъ самый рѣшительный отпоръ со стороны министра юстиціи, который безъ обиняковъ заявилъ, что парламенту не придется уже, по всѣмъ вѣроятіямъ, возвращаться больше къ этой темѣ. Послѣ того не произошло никакихъ рѣшительно событій, способныхъ хоть сколько нибудь увеличить шансы проекта. Но авторъ надѣется, повидимому, на изъ года въ годъ растущее недовольство *дѣйствующей* карательной системой и вытекающую изъ такого состоянія легкую воспримчивость общества ко всякаго рода нововведеніямъ. И вотъ почему книга Вагнера, лишенная всякаго научнаго и литературнаго значенія, заслуживаетъ самого энергичнаго протеста. Неопытнаго читателя можетъ подкупить та часть ея, въ которой повторяются доводы соціологической школы противъ существующихъ пенитенціарныхъ порядковъ. Но идеалы нашего автора лежатъ не впереди, а позади этихъ порядковъ. Даже и „око за око, зубъ за зубъ“ не всегда удо-

влетворяютъ его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ зло наказанія должно еще, по его мнѣнію, превышать тяжесть преступления: „Ибо, если невинному человѣку приходится страдать, то идея возмездія, потребность въ возможно болѣе уравнивающимъ воздаяніи, предписываетъ, чтобы виновный претерпѣвалъ еще болѣе сильныя страданія“ (стр. 51). Пусть даже нашъ авторъ и говоритъ такъ изъ чисто тактическихъ соображеній, голый фактъ неуклонно свидѣтельствуетъ объ истинныхъ *desiderata* бывшаго прокурора, стремящагося перенести въ уголовное правосудіе приемы пресловутыхъ камерунскихъ культуртрегеровъ.—Дѣло въ томъ, что такую квалифицированную строгость Вагнеръ рекомендуетъ для наказанія анархистовъ, и этимъ онъ надѣется, очевидно, склонить въ свою пользу сторонниковъ, такъ называемаго, „порядка“. Но затѣмъ, —какая тонкая дипломатія!—надо также позаботиться и о симпатіяхъ восьмидесяти слишкомъ депутатовъ крайней лѣвой, имѣющихъ за собой болѣе 3.000.000 избирателей, и авторъ нашъ, скрѣпя сердце, расшаркивается также и среди нихъ. Подъ „внутреннимъ врагомъ“,—этотъ терминъ не исчезъ еще и въ Германіи, — онъ разумѣетъ въ докладной запискѣ лишь преступниковъ и анархистовъ, но ни въ комъ случаѣ не социаль-демократію. Социаль-демократія является, напротивъ, по его мнѣнію, инициаторомъ многихъ общепользныхъ законодательныхъ мѣропріятій (ст. 45), и онъ пришелъ мириться съ ней, „не то что ради ссоры“. Но, никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ, и такая игра на два фронта едва-ли способна увеличить число друзей ссылки въ томъ видѣ, какъ ее защищаетъ Вагнеръ! И меньше всего, конечно, можетъ онъ ожидать поддержки отъ партіи, представляющей интересы того класса, изъ котораго вербуются, въ силу неустрашимыхъ противорѣчій современнаго общественнаго строя, наибольшій контингентъ подпадающихъ подъ дѣйствіе уголовного закона лицъ. Планы Вагнера открываютъ блестящія перспективы идеологамъ „мировой политики“, не брезгающимъ никакими средствами ради приобрѣтенія новыхъ рынковъ для сбыта продуктовъ отечественнаго перепроизводства, но всякій, кому дороги интересы права и морали, съ негодованіемъ отвергнетъ это измышленіе разнузданной прокурорской фантазіи, несравненно болѣе жестокое, чѣмъ всѣ тѣ уголовные ужасы, съ которыми авторъ нашъ предлагаетъ бороться такими первобытными средствами.

Г. Н. Штильманъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

(Засѣд. гражд. касс. деп. 3 марта).

VI.

Порядокъ оплаты гербовымъ сборомъ договоровъ о наймѣ квартиръ. (ст. 18 уст. о герб. сб. изд. 1893 г.).

Къ договору Куликовскаго съ Елиховскимъ о наймѣ квартиры срокомъ на 3 года, за плату по 325 руб. въ годъ, были наклеены три герб. марки

80 коп. достоинства, но мир. съездъ, признавъ марки не погашенными въ установленномъ законѣмъ порядкѣ и опредѣливъ цѣну договора въ 975 руб., приговорилъ стороны къ штрафу въ десятикратномъ размѣрѣ причитающагося по договору пропорциональнаго гербовою сбора, т. е. въ размѣрѣ 54 р. съ каждой. Въ касс. жалобѣ Куликовскій указывалъ, что согл. ст. 18 уст. о герб. сб., договоръ надлежало оплатить тремя 80 коп. марками, относительно коихъ съездъ, вопреки ст. 142 уст. гражд. суд., не объяснилъ, почему онъ считаетъ способъ погашенія ихъ неправильнымъ; во всякомъ случаѣ, изъ суммы штрафа должна была быть исключена стоимость приложенныхъ къ договору трехъ марокъ.

Рѣшеніе отмѣнено въ отношеніи взысканія при штрафѣ за нарушенія 18 ст. у. о г. сб.

VII.

Подлежитъ ли освобожденію отъ наследственной пошлины капиталъ, внесенный вкладомъ въ Государств. банкъ съ тѣмъ, чтобы проценты раздавались городской управою бѣднымъ жителямъ города (п. 3 ст. 153 уст. пошл. изд. 1893 г.).

Завѣщательное распоряженіе Шанина о внесеніи въ Государств. банкъ вѣчнымъ вкладомъ 1000 руб., проценты съ коихъ должна получать Коломенская гор. управа для раздачи бѣднымъ жителямъ города, было признано Моск. суд. палатой не заключающимъ въ себѣ перехода имущества къ опредѣленнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, въ виду чего капиталъ былъ обложенъ 8—процентною пошлиною. Въ касс. жалобѣ повѣренный душеприказчиковъ Шанина указывалъ, что по общему смыслу ст. 153 уст. пошл. льгота освобожденія отъ пошлины относится ко всемъ имуществамъ, завѣщаннымъ на цѣли благотворенія, независимо отъ того, поступаетъ ли имущество непосредственно въ распоряженіе опредѣленнаго благотворит. учрежденія, или же черезъ посредство какого либо другого учрежденія; гор. управа, при томъ, является учрежденіемъ, на которое законъ возлагаетъ попеченіе о бѣдныхъ (п. 5 ст. 2 гор. пол.), и осуществлять такое положеніе управа можетъ и самолично, не создавая для сего особыхъ учреждений.

Касс. жалоба оставлена безъ послѣдствій

VIII.

Вправъ ли дѣти просить объ узаконеніи ихъ умершаго отца умершимъ же родителями его (ст. 144¹ т. X ч. 1 и ст. 1460¹ сл. уст. гражд. суд.).

Ходатайство Терлецкой объ узаконеніи отца ея Ивана Пашинскаго, супругамъ Пашинскимъ было признано Одесскою суд. палатою не подлежащимъ удовлетворенію, въ виду того, что законъ допускаетъ только узаконеніе дѣтей по ходатайству ихъ родителей, или опекуновъ, или самихъ дѣтей (ст. 144¹ т. X ч. 1 и ст. 1460¹ сл. уст. гражд. суд.; рѣш. Сен. 1898 г. № 32), но нѣтъ закона, въ силу коего дѣти могли бы просить объ узаконеніи своихъ умершихъ родителей; по дѣлу, сверхъ того, не доказано, чтобы Пашинскій при жизни желалъ, но по законной причинѣ (тяжкой болѣзни) не могъ просить объ узаконеніи. — Въ касс. жалобѣ Терлецкая объяснила, что въ силу перехода къ наследнику всей совокупности правъ наследодателя къ нему должны быть признаны перешедшими и не погашаемыя давностью права состоянія; недоказанность болѣзни Пашинскаго не лишаетъ истицы ея права, ибо правоспособность дѣтей не зависитъ отъ воли ихъ родителей, и, во всякомъ случаѣ, палата обязана была потребовать представленія по этому вопросу дополнительныхъ доказательствъ.

Касс. жалоба оставлена безъ послѣдствій.

IX.

Возможно ли, въ случаѣ обезпеченія отсрочки выкупа акциза процентными бумагами, обращеніе взысканія не на соответственныя бумаги, а на вино заводчика (ст. 284 и п. 35 прил. къ ст. 291 уст. о пит. сб.).

На погашеніе недоимки акциза, отсроченнаго Трегубову подѣ обезпеченіе процентными бумагами и не уплаченнаго имъ въ срокъ, Тобольское акц. управленіе продало съ публичнаго торга соответственное количество храниващагося въ заводскомъ складѣ спирта. Искъ Трегубова о взысканіи съ казны убытковъ, причиненныхъ ему продажей спирта по несоразмѣрно дешевой цѣнѣ, въ то время какъ, согл. ст. 284 уст. о пит. сб. и цирк. министра финансовъ отъ 21 июня 1888 г. № 2106, взысканіе должно было быть обращено прежде всего на залоги, были признаны Омской суд. палатой не подлежащимъ удовлетворенію за силою ст. 284 и п. 35 прил. къ ст. 291 уст. о пит. сб.; существованіе циркуляра 1888 г. № 2106 истцомъ не доказано и, кромѣ того, такой циркуляръ не могъ бы быть признанъ обязательнымъ, какъ противорѣчащій закону. — Въ касс. жалобѣ Трегубовъ указывалъ, что ссылка палаты на п. 35 прилож. къ ст. 291 не правильна, ибо этотъ законъ имѣетъ въ виду не отсроченный акцизъ, обезпечиваемый залогомъ рубль за рубль, а разсроченный, который обезпечивается залогомъ только въ половинѣ, въ виду чего въ этомъ послѣднемъ случаѣ взысканіе естественно обращается на вино; правила объ отсрочкѣ акциза издаются, согл. прим. къ ст. 284 уст. пит. сб., министромъ финансовъ, и соответственный циркуляръ долженъ быть признанъ поэтому имѣющимъ законную силу.

Касс. жалоба оставлена безъ послѣдствій.

X.

Принадлежитъ ли чиншевому владѣльцу право на искъ о закрытіи оконъ, открытыхъ на его мѣсть соседомъ.

Признавъ за Черкесомъ право вѣчно-чиншевого владѣнія проулкомъ, раздѣляющимъ усадьбы Черкеса и Петрова, Кіевская суд. палата обязала послѣдняго и арендаторовъ поставленнаго имъ въ проулкѣ шкафа — лавочки Шаповъ снести шкафъ, очистить проулкъ и закрыть выходящія на оный окна. — Въ касс. жалобѣ отвѣтчики указывали, что Черкесъ ходатайствовалъ сперва о признаніи за нимъ права собственности на землю подѣ шкафомъ, а въ апелляціонной жалобѣ — о правѣ вѣчно-чиншевого владѣнія, которое составляетъ особое право (рѣш. 1877 г. № 351), и такимъ образомъ измѣнилъ искоевое требованіе; далѣе, присудивъ истцу весь проулкъ, палата, вопреки ст. 706 уст. гражд. суд., присудила болѣе, чѣмъ требовалъ истецъ; наконецъ, изъ сопоставленія ст. 546 и 547 т. X ч. 1 видно, что право требовать закрытія оконъ и сноса постройки могло бы принадлежать только собственнику земли, а не чиншевому владѣльцу.

Касс. жалоба оставлена безъ послѣдствій.

Правительствующій Сенатъ.

(Засѣд. гражд. касс. деп. 10 марта).

I.

Подлежатъ ли вторичному взысканію крепостныя пошлины, если приобретатель имѣнія съ публичнаго торга, внесъ залогъ, уступитъ свои права другому лицу (ст. 182 и 183 уст. пошл. изд. 1893 г.).

На публичныхъ торгахъ, произведенныхъ по требованію земскаго кредитнаго общества, Брудницкая приобрѣла имѣніе Гославице-Подчахи и внесла залогъ, но, затѣмъ, до исполненія остальныхъ торговыхъ условій, переуступила всѣ приобрѣ-

тенныя по торгу права Грабскому по нотаріальному акту, при совершении коего нотаріусъ взыскалъ крѣпостная пошлины какъ съ Брудницкой, по прибрѣтению ею имѣнія съ торговъ, такъ и съ Грабскаго по прибрѣтению имъ имѣнія отъ Брудницкой. Жалобу послѣдней Варшавская суд. палата признала не заслуживающею уваженія на томъ основаніи, что лицо, за которымъ на торгѣ осталось имѣніе, признается прибрѣтшимъ таковое въ моментъ окончанія продажи, причѣмъ неуплата затѣмъ всей предложенной за имѣніе цѣны имѣетъ значеніе условія лишь отмѣнительнаго, какъ это подтверждается п. 5 ст. 214 уст. земск. кред. общ. для губ. Ц. Польскаго; въ данномъ случаѣ имѣются так. обр. два возмездныхъ перехода собственности, по каждому изъ коихъ подлежатъ взысканію крѣпостная пошлины, согл. ст. 203 уст. пошл.

Въ касс. жалобѣ и словесномъ объясненіи передъ Правит. Сенатомъ повѣренный Брудницкой, прис. пов. Залѣвскій, указывалъ, что возникающій въ дѣлѣ вопросъ о моментѣ перехода права собственности къ прибрѣтателю имѣнія съ публично-торга рѣшенъ палатою совершенно неправильно. Этимъ моментомъ является не предложеніе на торгѣ высшей цѣны и внесеніе залога, а моментъ исполненія всѣхъ торговыхъ условій, въ томъ числѣ важнѣйшаго изъ нихъ—уплаты всей покупной цѣны; только по представленіи доказательствъ объ исполненіи всѣхъ торговыхъ условій ипотечное отдѣленіе укрѣпляетъ имѣніе за прибрѣтателемъ, который поэтому до этого момента имѣетъ только личное, но отнюдь не вещное право (ст. 5 и 11 ипот. уст. 1818 г.). О продажѣ Брудницкой Грабскому имѣнія не можетъ так. обр. быть и рѣчи, ибо она сама имѣнія еще не прибрѣла, и переуступить она могла только свое право на исполненіе торговыхъ условій; право собственности перешло здѣсь не дважды, а одинъ разъ, и двойное взысканіе пошлины противорѣчитъ ст. 182, 183 и 203 уст. пошл. Сомнѣніе о моментѣ перехода права собственности могла бы возбудить ст. 1583 гражд. код., но послѣдній изданъ ранѣе ипотечнаго устава, и въ случаѣ несогласованности ихъ нормъ предпочтеніе должно быть отдано послѣднему, какъ это подтверждено Правит. Сенатомъ въ рѣш. 1890 г. № 10.

Тов. об.-прок. Р. Р. ф. Травзеге полагалъ признать жалобу заслуживающею уваженія. Правит. Сенатъ уже неоднократно разъяснялъ, что право собственности переходитъ къ прибрѣтателю съ момента торга лишь въ томъ случаѣ, если имъ исполнены своевременно всѣ условія торга; исполненіе послѣднихъ имѣетъ так. обр. значеніе не отмѣнительное, а отлагательное; если торговые условія исполнены, этому исполненію придается обратная сила, въ противномъ же случаѣ продажа считается не состоявшеюся. Грабскій явился въ настоящемъ дѣлѣ лишь замѣстителемъ Брудницкой по исполненію условій торга, и, слѣдовательно, здѣсь имѣла мѣсто только одна продажа, одинъ возмездный переходъ права собственности.

Рѣшеніе палаты отмѣнено Правит. Сенатомъ по нарушенію ст. 1170 уст. гражд. суд., ст. 182 и 183 уст. пошл. и ст. 214 и 246 уст. земск. кред. общ. губ. Ц. П.

II.

Освобождается ли отъ оплаты пошлиною капиталъ, завѣщанный на благотворительныя цѣли по распоряженію земской управы и по усмотрѣнію душеприказчиковъ, а равно на погребеніе и поминаніе души умершаго, (п. 3 ст. 153 и п. 2 ст. 162 уст. пошл. изд. 1893 г.).

По духу завѣщанію Солдатенковъ назначилъ 100 тыс. р. на погребеніе, поминаніе души его и на раздачу бѣднымъ, по усмотрѣнію душеприказчиковъ, и 15 тыс. р. для внесенія въ Богородскую уѣздн. земск. управу съ тѣмъ, чтобы эти деньги были положены въ видѣ неприкосновеннаго капи-

тала на имя общества крестьянъ дер. Прокупиной и чтобы съ процентовъ выдавалось вспоможеніе дѣвцамъ этой деревни при выходѣ въ замужество и мужчинамъ при вступленіи въ военную службу. Моск. суд. палата признала оба означенныхъ капитала не подлежащими обложенію наслѣдств. пошлиною, такъ какъ сумма въ 100 тыс., оставленная завѣщателемъ на похороны, должна быть признана никому постороннему не отказанной и потому подлежащею исключенію изъ имущества, переходящаго по завѣщанію, согл. ст. 1010 и 1011 т. X ч. 1; означенная сумма поступила въ распоряженіе душеприказчиковъ, но къ нимъ не перешло то право, которое по силѣ ст. 152 уст. пошл. подлежитъ оплатѣ пошлиною. Равнымъ образомъ и капиталъ, перешедшій въ распоряженіе земск. управы, долженъ быть разсматриваемъ какъ пожертвованіе, подходящее подъ дѣйствіе п. 3 ст. 153 уст. пошл.—Въ касс. жалобѣ Моск. касс. палата объяснила, что изъ дѣйности наслѣдства подлежатъ исключенію лишь суммы, въ дѣйствительности израсходованныя на погребеніе, а не предназначенныя завѣщателемъ къ израсходованію, а потому суд. палата неправильно освободила отъ пошлины всю, притомъ столь значительную, сумму, безъ повѣрки фактическихъ расходовъ. Неправильно и освобожденіе капитала въ 15 тыс. р., который завѣщанъ не опредѣленною благотворит. учрежденію (рѣш. Сената 1892 г. № 55 и 1895 г. № 56), а въ распоряженіе управы для раздачі процентовъ совершенно неизвѣстнымъ и неопредѣленнымъ лицамъ.

Опредѣленіе палаты отмѣнено, въ чемъ оно касается 100 т. р., назначенныхъ по духу завѣщанію Солдатенкова на погребеніе, поминаніе и раздачу бѣднымъ и нищимъ, и 15 т. р. завѣщанныхъ Богородской земск. управѣ по нар. 153 ст. и 2 п. 162 ст. уст. о пошл., изд. 1893 г.

III.

Подлежатъ ли освобожденію отъ крѣпостныхъ пошлинъ акты по переходу имѣній въ зап. губерніяхъ къ лицамъ русскаго происхожденія отъ польскихъ помѣщиковъ—иностранныхъ подданныхъ, прибрѣвшихъ эти имѣнія до изданія закона 14 марта 1887 г. (п. 3 ст. 191 уст. пошл.).

По дѣлу Кузнецова, прибрѣвшаго имѣніе въ Вольнской губ. отъ гр. Дзедутицкой, принадлежащей по своему замужеству къ иностранному подданству, Киевская суд. палата признала, что льгота, установленная п. 3 ст. 191 уст. пошл., не примѣнима къ означенной куплѣ-продажѣ, такъ какъ согл. разъясн. Правит. Сен. по общ. собр. 1897 г. № 11 льготою могутъ пользоваться лишь состояція въ русскомъ подданствѣ лица польскаго происхожденія.—Въ касс. жалобѣ Кузнецовъ объяснилъ, что рѣш. 1897 г. № 11 имѣетъ въ виду лишь случаи принудительной продажи имѣній иностранцами польскаго происхожденія, въ виду воспрещенія имъ владѣть таковыми; въ настоящемъ же дѣлѣ продавца, вышедша замужъ за иностранца до изданія закона 14 марта 1887 г., имѣла и имѣетъ право владѣть своей недвижимостью, продажа коей является совершенно добровольной. Освобожденіе отъ платежа пошлинъ имѣло дѣлью поощрить переходъ къ лицамъ русскаго происхожденія польскихъ имѣній, независимо отъ подданства ихъ владѣльцевъ, и рѣшеніе палаты, очевидно, противорѣчитъ этому внутреннему значенію закона. Сверхъ того, гр. Дзедутицкая до выхода въ замужество несомнѣнно могла воспользоваться льготою по 3 п. ст. 191, потеря же законноприобрѣтенныхъ имущественныхъ правъ не можетъ не только предполагаться, но и прямо противорѣчила бы въ настоящемъ случаѣ рѣшенію Правит. Сен. 1896 г. № 118.

Рѣшеніе отмѣнено по нарушенію 3 п. 243 ст. уст. пошл.

С.-Петербургская судебная палата.

Сохраняют ли свойство родовыхъ имущества, уступленныя полному товариществу однимъ изъ товарищей.

16 марта слушалось дѣло по апелляціонной жалобѣ жены генераль-маіора А. И. Евреиновой на рѣшеніе Спб. окружного суда, которымъ ей, Евреиновой, было отказано въ искъ ея къ д. т. с. В. А. Ратькову-Рожнову. Въ исковомъ прошеніи, поданномъ окружному суду 12 февраля 1902 г., Евреинова просила: 1) постановить, что Ратьковъ-Рожновъ не имѣлъ и не имѣеть права устраниять ее съ 10 сентября 1894 г. отъ пользованія доходами, выгодами и прибылями съ родовыхъ имѣній ея покойнаго мужа И. Ѳ. Громова; 2) признать его обязаннымъ возмѣстить ей доходы, прибыли и выгоды, коихъ она незаконно лишена, а также понесенные ею по этой причинѣ убытки и 3) обязать его представить отчетъ о доходахъ, прибыляхъ и выгодахъ съ 10 сентября 1894 г. по день расчета по указаннымъ въ исковомъ прошеніи имѣніямъ. Въ исковомъ прошеніи истица указываетъ, что покойному мужу ея достались по наслѣдству большое торговое дѣло и громадное состояніе, заключавшееся по преимуществу въ недвижимыхъ имѣніяхъ. Въ 1874 г. онъ принялъ въ свое торговое дѣло въ качествѣ товарища В. А. Ратькова-Рожнова, и товарищескій договоръ между ними былъ заключенъ 8 февраля 1874 г. Въ тотъ же день Громовъ составилъ нотаріальное духовное завѣщаніе, согласно которому завѣщаль ей пожизненное владѣніе всѣми его родовыми имѣніями. Но спустя мѣсяць послѣ заключенія означеннаго договора недвижимыя родовыя имѣнія Громова начали поступать въ аренду торговаго дома „Громовъ и К^о“, а затѣмъ на эти заарендованныя имѣнія начали совершаться на имя торговаго дома купчія крѣпости, такъ что ко дню смерти И. Громова 9 сентября 1882 г. всѣ родовыя громовскія имѣнія за исключеніемъ лишь Графской биржи, заложенной по второй закладной у того же Ратькова-Рожнова, были переписаны на имя торговаго дома. Не задолго до своей смерти—28 января 1882 г.—Громовъ оставилъ домашнее духовное завѣщаніе, согласно которому все его благопріобрѣтенное движимое и недвижимое имущество и все торговое дѣло было завѣщано Ратькову-Рожнову. Ей, истицѣ, была назначена къ выдачѣ сравнительно незначительная сумма. Оба духовныя завѣщанія Громова—нотаріальное и домашнее—были немедленно послѣ смерти Громова представлены суду и утверждены имъ къ исполненію. Такъ какъ недвижимыя имѣнія Громова не утратили послѣ переписки ихъ на имя товарищества „Громовъ и К^о“ своего родового характера, ибо они не перешли въ чужой родъ и послѣ переписки остались въ рукахъ самого же Громова, то, согласно нотаріальному завѣщанію, имѣнія эти должны были перейти къ ней, истицѣ, въ пожизненное владѣніе, но Ратьковъ-Рожновъ, опасаясь, чтобы имѣнія эти не ушли изъ его рукъ, вошелъ съ нею 4 декабря 1882 г. въ соглашеніе объ уступкѣ ему права пользованія имѣніями на основаніи договоровъ, имѣющихъ быть заключенными. Договоры эти были заключены 12 декабря 1882 г., одинъ изъ нихъ объ арендѣ родовыхъ имѣній, переписанныхъ на имя товарищества, и другой о предоставленіи Ратькову-Рожнову въ пользованіе Графской биржи. По арендному договору истица уступила Ратькову-Рожнову свое право пожизненнаго владѣнія всѣми родовыми имѣніями срокомъ на двѣнадцать лѣтъ, считая таковой съ 10 сентября 1882 г., при чемъ по истеченіи этого срока договоръ можетъ быть по желанію Ратькова-Рожнова возобновленъ на тотъ же срокъ. Арендная плата опредѣлялась по 18 тыс. руб. въ годъ. Графская же биржа по другому договору истицы съ Ратьковымъ-Рожновымъ отъ того же 12 декабря 1882 г. посту-

пила въ пользованіе послѣдняго срокомъ на три года, но уже черезъ годъ она была пріобрѣтена съ публичныхъ торговъ Ратьковымъ-Рожновымъ и такимъ образомъ договоръ объ арендѣ ея за этою продажей черезъ годъ послѣ его заключенія прекратился. Въмѣстоар ендной платы по обоимъ договорамъ, Ратьковъ-Рожновъ уплатилъ истицѣ завѣщанную ей ея мужемъ сумму въ размѣрѣ 300 тысячъ руб., причитавъ на 200 тыс., удоченные ей въ теченіе 4 лѣтъ, 6¹/₂% годовыхъ. Срокъ арендному договору на родовыя имѣнія Громова, переписанныя на имя торговаго дома „Громовъ и К^о“, заключенному на 12 лѣтъ, истекъ 10 сентября 1894 г., но несмотря на истеченіе срока Ратьковъ-Рожновъ не возобновилъ аренднаго договора, продолжалъ по прежнему пользоваться выгодами, доходами и прибылями этихъ имѣній, тѣмъ самымъ неправильно устраниая отъ пользованія этими имѣніями, какъ родовыми покойнаго И. Ѳ. Громова, ее, истицу, которой по нотаріальному завѣщанію Громова отъ 8 февраля 1874 г. принадлежитъ право пожизненнаго ими владѣнія. Въ виду этихъ соображеній А. И. Евреинова просила Спб. окружный судъ удовлетворить изложенныя выше ея исковыя требованія.

Окр. судъ, руководствуясь указаніемъ закона (ст. 71 ус. торг.) и рѣшеніемъ IV депар. Правит. Сената по д. Эскодафаль съ Пенаръ, нашелъ, что товарищество должно быть признано юридическимъ лицомъ съ вполне обособленною отъ входящихъ въ составъ его членовъ имущественною правоспособностью. Т. к. товарищество „Громовъ и К^о“ обладало всѣми признаками полнаго товарищества, то продажа ему Ильею Громовымъ его родовыхъ имѣній была отчужденіемъ послѣднихъ юридическому лицу и влекла за собою утрату означенными имѣніями ихъ свойства родового имущества. При такомъ положеніи, разъ ко дню смерти И. Громова имѣнія его были переписаны на имя товарищества, у него не было уже родового имущества, и потому утратило всякое значеніе его нотаріальное завѣщаніе, которымъ опредѣлялась судьба его родовыхъ имѣній. Во всякомъ же случаѣ, исковыя требованія Евреиновой не могутъ подлежать удовлетворенію. Отвѣчикъ представилъ въ судъ неустоечную запись, выданную ему истицею 12 декабря 1882 г. Какъ значится въ этой записи, Евреинова не имѣеть права предъявлять никакого иска или ходатайства о признаніи за нею пожизненнаго владѣнія или выдачѣ ей указаной части изъ недвижимыхъ имѣній, проданныхъ покойнымъ И. Ѳ. Громовымъ товариществу „Громовъ и К^о“, исключая лишь тотъ случай, когда по окончательному рѣшенію суд. мѣст., состоявшемуся по иску остальныхъ наслѣдниковъ И. Громова по закону, было бы признано, что означенныя имѣнія сохраняютъ въ полномъ составѣ или въ частяхъ оныхъ родовое свойство, и когда въ виду такого рѣшенія самъ Ратьковъ-Рожновъ потребуетъ отъ нея осуществленія правъ пожизненной владѣлицы этими имѣніями въ видахъ предоставления ему воспользоваться аренднымъ договоромъ, заключеннымъ съ нимъ на этотъ случай. Этимъ актомъ истица отреклась отъ права пожизненнаго владѣнія, какъ при отсутствіи съ чей либо стороны споровъ, такъ и въ случаѣ признанія судебнымъ рѣшеніемъ недвижимыхъ имѣній Громова родовыми, такъ какъ въ этомъ случаѣ Громова должна была осуществить свое право пожизненнаго владѣнія лишь для того, чтобы передать его Ратькову-Рожнову. Сопоставляя означенный актъ съ аренднымъ договоромъ отъ 12 декабря 1882 г., на который ссылается истица, судъ пришелъ къ тому выводу, что договоръ этотъ былъ условный, именно на случай признанія за недвижимыми имѣніями Громова свойства родовыхъ, но такъ какъ законными наслѣдниками Громова спора противъ правильности перехода къ Ратькову-Рожнову родовыхъ имѣній Громова предъявлено не было, то договоръ

этотъ, заключенный лишь условно, за ненаступлениемъ условия, въ силу не вступилъ. Въ виду этого Ратьковъ-Рожновъ вовсе не прибѣгалъ къ арендѣ этихъ имѣній и владѣлъ ими, начиная съ 1882 г., совершенно самостоятельно и независимо отъ Евреиновой на основаніи товарищескаго его съ Громовымъ договора, согласно которому послѣ смерти одного изъ товарищей торговое дѣло переходитъ къ другому товарищу, и домашняго духовнаго завѣщанія Громова, которымъ послѣдній завѣщалъ ему все свое состояніе и въ томъ числѣ торговое дѣло. Поэтому судъ нашелъ, что Евреинова помимо всего пропустила давностный срокъ, такъ какъ самостоятельное владѣніе Ратькова-Рожнова за не вступленіемъ въ силу аренднаго договора продолжается около 19 лѣтъ, начавшись не съ 1894 г., какъ полагаетъ истица, а съ 1882 г.

Въ апелляціонной жалобѣ Евреиновой указывается, что окр. судъ неправильно призналъ недвижимыя имѣнія Громова утратившими свойство родовыхъ еще при жизни И. Ѳ. Громова. Хотя въ товарищескомъ договорѣ и говорится, что Громовъ и Ратьковъ-Рожновъ образовали въ 1874 г. полное товарищество, но товарищество, ими образованное, не подходитъ ни подъ одинъ изъ видовъ товарищества, предусмотрѣннаго закономъ, и представляетъ простое сообщество двухъ лицъ, ибо оно не можетъ быть названо ни полнымъ товариществомъ, такъ какъ ихъ торговое дѣло ведется не отъ имени ихъ обоихъ, какъ это требуется закономъ, ни товариществомъ на вѣрѣ въ виду взаимныхъ отношеній по управленію дѣломъ, какъ они выразились въ товарищескомъ договорѣ. Но и признаніе товарищества „Громовъ и К^о“ полнымъ товариществомъ ничего не измѣняетъ въ отношеніи интересующаго судъ вопроса о характерѣ родовыхъ имѣній Громова, послѣ того какъ они были переписаны на имя фирмы. Полное товарищество не есть юридическое лицо и потому имущество, вносимое товарищемъ въ товарищество, не есть имущество посторонняго для нихъ юридическаго лица. Имущество полнаго товарищества не представляетъ чего то безусловно обособленнаго отъ имущества полныхъ товарищей и это отражается какъ на порядкѣ отвѣтственности товарищей по обязательствамъ товарищества, такъ и на судьбѣ товарищества въ случаѣ смерти одного изъ товарищей. Не признаетъ въ полномъ товариществѣ юридическаго лица ни теорія (Шобдоносцевъ), ни практика, ибо въ цитируемомъ судомъ рѣшеніи Сената нигдѣ не говорится, что полное товарищество представляетъ юридическое лицо, а въ рѣшеніи того же департамента по дѣлу Симонова съ Богдановыми прямо указывается, что изъ трехъ видовъ товарищества только компанія на акціяхъ составляетъ самостоятельное юридическое лицо. Поэтому родовыя имѣнія Громова, переписанныя на имя фирмы, оставались родовыми вплоть до его смерти и потому право пожизненнаго владѣнія должно принадлежать истцѣ согласно нотаріальному духовному завѣщанію Громова, тѣмъ болѣе что въ завѣщаніи этомъ имѣнія эти названы родовыми только для опредѣленія объекта наследованія, но отнюдь не какъ условіе, при которомъ завѣщаніе вступаетъ въ силу. Присваивая неустойчивой записи силу акта, выражающаго отреченіе Евреиновой отъ пожизненнаго владѣнія, какъ это дѣлаетъ судъ, не представляется возможнымъ. Отреченіе отъ пожизненнаго владѣнія можетъ произойти лишь въ пользу вочинника, оно должно быть безусловнымъ и заявлено о немъ должно быть въ подлежащемъ судѣ. Нельзя видѣть въ этой неустойчивой записи также акта, въ которомъ Евреинова просто воспользовалась своимъ правомъ уступить, какъ это и допускается закономъ, свои права постороннему лицу на извѣстное время, такъ какъ необходимымъ условіемъ для этого является точное указаніе въ самомъ актѣ срока, на который дѣлается эта уступка, и

безъ такового указанія за этимъ актомъ нельзя признать никакой юридической силы. Что касается самой сдѣлки о неустойкѣ, то такая тоже не можетъ почитаться воспріявшей силу, въ виду того, что въ ней выраженъ отказъ отъ судебной защиты, недопустимой по нашему праву, какъ по буквальному тексту ст. 691 т. X ч. 1, такъ и по неоднократнымъ разъясненіямъ Пр. Сен. Неправильно, по мнѣнію истицы, также и признаніе судомъ аренднаго договора, заключеннаго ею 12 дек. 1882 г. съ Ратьковымъ-Рожновымъ, договоромъ условнымъ и не вступившимъ въ силу въ виду того, что то обстоятельство, въ зависимости отъ наступленія котораго находилось вступленіе въ силу этого договора, не имѣло мѣста. Договорами съ Ратьковымъ-Рожновымъ истицею были выговорены извѣстныя права, а именно: Ратьковъ-Рожновъ долженъ былъ уплатить ей 100 тыс. руб. сразу и 6¹/₂% на 200 тыс. руб., уплоченные впоследствии. Правами этими она воспользовалась и т. о. осуществила свои права пожизненнаго владѣнія, такъ что говорить о томъ, что Ратьковъ-Рожновъ владѣлъ совершенно самостоятельно и независимо отъ Евреиновой, уже начиная съ 1882 года, не приходится, а, наоборотъ, нужно признать, что въ теченіе всѣхъ 12 лѣтъ Ратьковъ-Рожновъ, владѣя родовыми имѣніями Громова на основаніи заключенныхъ съ Евреиновой договоровъ, ничѣмъ не нарушалъ ея правъ и она осуществляла право своего пожизненнаго владѣнія, хотя и въ скудныхъ размѣрахъ, вплоть до 1894 г.; съ этого времени, дѣйствительно, владѣніе Ратькова-Рожнова, не возобновившаго договоръ, срокъ котораго истекъ, идетъ въ разрѣзъ съ интересами Евреиновой. То обстоятельство, что нѣкоторыя условія аренднаго договора являются дѣйствительно условными, не дѣлаетъ договора условнымъ въ полномъ объемѣ.

Выговоренныя въ пользу Евреиновой за совершеніе аренднаго договора вознагражденія были ею получены и Ратьковымъ-Рожновымъ выполнены, равно какъ выполнено обязательство, данное Евреиновой выдать удостовѣреніе Ратькову-Рожнову въ полученіи отъ него полнаго по договорамъ удовлетворенія. Арендный договоръ, поэтому, не можетъ считаться условнымъ въ полномъ объемѣ его. Поэтому невозможно говорить о пропускѣ Евреиновой давностнаго срока на предьявленіе иска. Если бы даже была заключена только одна неустойчивая записка, то и въ такомъ случаѣ невозможно было бы говорить о пропускѣ Евреиновой давностнаго срока, такъ какъ молчаніе ея обусловливалось общаніемъ не предьявлять иска, которое дала она за извѣстное вознагражденіе, но не забвеніемъ его ея правъ. Въ виду означенныхъ соображеній истица проситъ Спб. суд. палату рѣшеніе суда отменить и удовлетворить ея исковыя требованія.

Предсѣдательствующій по докладу дѣла предлагаетъ сторонамъ, повѣреннымъ В. А. Ратькова-Рожнова, прис. повѣр. В. О. Люстиху и П. А. Потѣхину, и повѣренному А. И. Евреиновой, прис. пов. А. Я. Пассову высказаться по поводу представленныхъ въ судебную палату прошеній повѣреннаго А. П. Овцыной, присяж. пов. М. К. Адамова, и повѣреннаго Вячеслава Борова, прис. пов. М. В. Райха, о допущеніи ихъ доверителей къ участию въ дѣлѣ въ качествѣ третьихъ лицъ со стороны истицы.

Прис. пов. В. О. Люстихъ находитъ ходатайства Овцыной и Борова не заслуживающими уваженія. Ст. 663 уст. гражд. суд. допускаетъ къ участию въ дѣлѣ въ качествѣ третьяго лица лишь въ томъ случаѣ, когда интересъ этого лица зависитъ отъ рѣшенія дѣла въ пользу одной изъ сторонъ. Поэтому нужно установить, что рѣшеніе въ пользу Евреиновой должно отразиться такъ или иначе на правовой сферѣ Овцыной и Борова. Наше законодательство хотя не вполне точной формулировкой требуетъ именно непосредственнаго вліянія со-

стоявагося въ пользу или во вредъ одной изъ сторонъ рѣшенія на правовую сферу третьяго лица. Повѣренный Овцыной указываетъ, что интересъ его довѣрительницы, какъ правопреемницы наслѣдниковъ Громова по закону зависитъ отъ того, какъ разрѣшится споръ о томъ, сохранила ли за собою свое пожизненное владѣнiе Евреинова или нѣтъ. Такимъ образомъ, все дѣло сводится скорѣе къ простому желанiю принять участiе въ дѣлѣ, нежели къ серьезной защитѣ важнаго интереса, ибо, если Овцына считаетъ, что право собственности на родовыя имѣнiя Громова, перешедшия въ свое время фирмѣ „Громова и К^о“, принадлежитъ ей, а не Ратькову-Рожнову, то она и должна обратиться въ судъ съ самостоятельнымъ искомъ о признанiи за нею правъ собственности на находящiяся во владѣнiи Ратькова-Рожнова имѣнiя, но не вступать въ качествѣ третьяго лица въ дѣло, въ которомъ вопросъ о правѣ собственности, какъ не поставленный, не подлежитъ разрѣшенiю. Боровъ, не прибѣгая къ такой аргументацiи, просто ходатайствуетъ о допущенiи его къ участiю въ дѣлѣ въ цѣляхъ облегчить ему возможность выяснить его интересъ. Подобнаго участiя въ дѣлѣ законъ не знаетъ и не можетъ допускать его и судъ. Въ отношенiи Овцыной, по крайней мѣрѣ, не возникаетъ хотя бы сомнѣнiй о томъ, что она дѣйствительно является правопреемницей родной сестры И. Ѳ. Громова и его наслѣдницы по закону Барановской, но въ отношенiи Вячеслава Борова надлежитъ утверждать, что родство его съ И. Ѳ. Громовымъ не является доказаннымъ. Представляемые Боровымъ документы не убѣждаютъ, что онъ происходитъ отъ другой родной сестры И. Ѳ. Громова и наслѣдницы его по закону Сомровой. Поэтому, помимо тѣхъ соображенiй, которые вообще говорятъ за недопущенiе Овцыной и Борова къ участiю въ дѣлѣ въ виду отсутствiя у нихъ требуемаго закономъ интереса въ дѣлѣ, участiе В. Борова въ дѣлѣ не представляется возможнымъ также въ виду того, что онъ не доказалъ своего родства съ Громовымъ.

П. А. Потѣхинъ присоединяется къ соображенiямъ В. О. Люстиха.

А. Я. Пассоверъ указываетъ, что для А. И. Евреиновой допущенiе Овцыной и Борова къ участiю въ дѣлѣ въ качествѣ третьихъ лицъ безразлично.

М. К. Адамовъ находитъ возраженiя, сдѣланныя В. О. Люстихомъ, неправильными. Вступленiе его довѣрительницы въ дѣло происходитъ не вслѣдствiе простого любопытства, но наоборотъ—дѣло это затрoгиваетъ весьма существенный интересъ Овцыной, какъ законной наслѣдницы И. Ѳ. Громова. До послѣдняго времени Овцына была спокойна. Родовыя имѣнiя И. Ѳ. Громова принадлежали на правѣ собственности наслѣдникамъ Громова по закону, но въ виду того, что пожизненное владѣнiе этими имѣнiями было завѣщано его женѣ, наслѣдники мало интересовались тѣмъ, какъ осуществляетъ это право своего пожизненнаго владѣнiя А. И. Евреинова. Вдругъ случайно въ прошломъ году до ихъ свѣдѣнiя доходитъ, что Ратьковъ-Рожновъ считаетъ себя уже собственникомъ имѣнiй и это признано за нимъ судомъ. Такимъ образомъ интересъ, который представляеть это дѣло для наслѣдниковъ Громова по закону, не подлежитъ сомнѣнiю. Прис. пов. Люстихъ слишкомъ узко опредѣляетъ понятiе интереса въ дѣлѣ, который обусловливаетъ право кого-либо на участiе въ немъ въ качествѣ третьяго лица. По разъясненiямъ Правит. Сената, имѣющими для третьяго лица интересъ могутъ представиться не только искковыя требованiя и резолютивная часть, но и основанiе иска, мотивы рѣшенiя. Достаточно прочесть рѣшенiе окружнаго суда по этому дѣлу, чтобы убѣдиться, какъ серьезно затронуты интересы тѣхъ, кто по праву считалъ себя до послѣдняго времени собственниками имѣнiй и кому

этимъ рѣшенiемъ прямо говорится, что онъ жестоко ошибался, полагая себя сохранившимъ въ полной неприкосновенности право собственности на эти имѣнiя; въ рѣшенiи категорически утверждается, что родовыя имѣнiя Громова означенныя свойства свои утратили и что Ратьковъ-Рожновъ владѣлъ этими имѣнiями какъ собственникъ въ теченiе времени, значительно превышающаго давностный срокъ. Право вступленiя въ дѣло въ качествѣ пособника при такомъ положенiи вещей не можетъ подлежать никакому сомнѣнiю и потому надо надѣяться, что палата отвода не уважитъ.

Прис. пов. Райхъ полагаетъ, что представляемыми къ дѣлу документами несомнѣнно доказывается происхожденiе его довѣрителя отъ родной сестры Громова и его наслѣдницы по закону Сомровой. Сопоставленiе этихъ документовъ и сравненiе датъ должно съ точностью установить родство В. Борова по прямой линiи съ Сомровою и потому отводъ, предъявленный въ частности противъ участiя въ дѣлѣ Борова, врядъ ли можетъ быть уваженъ. Въ отношенiи же соображенiй, могущихъ быть приведенными въ пользу признанiя за наслѣдниками И. Ѳ. Громова права участiя въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ третьяго лица прис. пов. Райхъ всегдo присоединился къ соображенiямъ М. К. Адамова.

Прис. пов. Люстихъ соглашается, что въ толкованiи Сената понятiе интереса нѣсколько шире понятiя права, но Сенатъ всегда требовалъ, чтобы лицо, желающее вступить въ дѣло, имѣло бы въ немъ правовой интересъ, т. е. чтобы рѣшенiе суда такъ или иначе отразилось на правовой сферѣ этого лица.

Прис. пов. Адамовъ проситъ палату остановить вниманiе на рѣшенiи суда, чтобы воочью убѣдиться въ томъ, какъ великъ интересъ наслѣдниковъ Громова по закону въ настоящемъ дѣлѣ. Судебная Палата постановила оставить ходатайство Вячеслава Борова о допущенiи его къ участiю въ дѣлѣ въ качествѣ третьяго лица безъ послѣдствiй.

Прис. пов. А. Я. Пассоверъ указываетъ, что въ состоявшемся не въ пользу его довѣрительницы рѣшенiи суда какъ бы подчеркивается правильное изложенеiе ею обстоятельствъ дѣла и что, если бы истинно они были бы изложены правильно, то, по мнѣнiю суда, требованiя ея, пожалуй, были бы безспорны, но въ томъ то и дѣло, что переданы они не вѣрно. И, дѣйствительно, въ настоящемъ дѣлѣ, въ которомъ возникаетъ такъ много сложныхъ и тонкихъ юридическихъ вопросовъ, фактическая сторона дѣла получаетъ особенное значенiе, такъ какъ эти вопросы тѣсно переплетаются съ фактической стороною и уясненiе себѣ послѣдней значительно облегчитъ разрѣшенiе первыхъ. Существовала большая фирма Громова, послѣ смерти котораго она перешла къ сыновьямъ его; въ числѣ ихъ былъ Илья Громовъ, въ рукахъ котораго въ 1871 г. сосредоточилось все дѣло и громадныя богатства. Въ 1874 году въ качествѣ компаньона вступилъ въ торговое дѣло Ратьковъ-Рожновъ, между ними заключается товарищескiй договоръ, въ которомъ они именуютъ свое товарищество полнымъ и становятся они товарищами, при чемъ Громовъ вноситъ 1 милл. рублей, а Ратьковъ-Рожновъ 500 тыс. руб. Есть вѣскiя основанiя сомнѣваться въ томъ, что Ратьковъ-Рожновъ дѣйствительно внесъ въ торговое дѣло эту сумму и въ прописанiи этого обстоятельство въ договорѣ гораздо правильнѣе видѣть соблюденiе необходимой обрядности. Послѣ заключенiя этого товарищескаго договора новые товарищи начинаютъ заключать рядъ другихъ договоровъ. Прежде всего заключается арендный контрактъ, которымъ товарищество „Громовъ и К^о“ беретъ у И. Громова въ аренду его лѣсныя имѣнiя, при чемъ въ видѣ характерной особенности можно подчеркнуть необычайную ширину правъ аренда-

тора—онъ можетъ не только эксплуатировать лѣсныя богатства Громова, но и вырубать лѣсъ безъ остатка. Однако, прежде чѣмъ первый такой арендный договоръ успѣли законнымъ порядкомъ утвердить, какъ къ утверженію старшаго нотаріуса была представлена купчая крѣпость на заарендованныя имѣнія и утверженіе обоихъ актовъ совершилось въ одинъ и тотъ же день. Путемъ такихъ договоровъ мало по малу всѣ родовыя имѣнія Громова оказались переписанными на имя товарищества «Громова и К^о», а затѣмъ Громовымъ за полгода до его смерти было составлено духовное завѣщаніе, коимъ все свое благопріобрѣтенное имущество, а равно все свое торговое дѣло онъ оставилъ Ратькову-Рожнову. Итакъ, все перешло къ послѣднему, но Ратькова-Рожнова не могъ не беспокоить вопросъ о томъ, утратили ли безвозвратно недвижимыя имѣнія Громова свой родовой характеръ или нѣтъ. И вотъ, желая обезпечить себя, Ратьковъ-Рожновъ, прежде заключавшій договоры съ Громовымъ, начинаетъ заключать рядъ контрактовъ съ его вдовой. Первый такой договоръ былъ заключенъ съ нею 4 декабря 1882 г. Это своего рода программа дѣйствій и въ немъ Громова обязалась уступить Ратькову-Рожнову принадлежащее ей право пожизненнаго владѣнія родовыми имѣніями ея мужа на основаніяхъ, выработанныхъ договорами, имѣющими быть заключенными. Взаимнѣ этого Громова должна была получить завѣщанную ей сумму и обязалась выдать Ратькову-Рожнову росписку въ полученіи полного удовлетворенія. 12 декабря 1882 г. обѣщанные договоры были заключены, одинъ объ арендѣ родовыхъ имѣній Громова, кромѣ Графской биржи, другой объ арендѣ этой биржи, а затѣмъ Громова была выдана въ тотъ же день неустойчивая записка. Всѣми этими актами Ратьковъ-Рожновъ надѣялся закрѣпить имѣнія въ своихъ рукахъ и гарантировать себя отъ чьихъ либо притязаній. Въ настоящее время вновь возникаетъ вопросъ, утратили ли родовыя имѣнія Громова этотъ характеръ или нѣтъ и кто правъ въ этомъ спорѣ: Громова, утверждающая, что имѣнія эти сохранили свой родовой характеръ и ей принадлежитъ право пожизненнаго владѣнія ими, или Ратьковъ-Рожновъ, отрицающій это. Судъ рѣшилъ вопросъ отрицательно, найдя, что имѣніями Громова свойство родовыхъ утрачено. Если читать эту часть рѣшенія, то врядъ ли можно упрекнуть судъ въ несправильномъ ходѣ его логическихъ разсужденій. Наоборотъ, судъ послѣдователенъ, когда признаетъ, что родовой характеръ имѣній Громова ими утраченъ благодаря продажѣ ихъ торговому дому, который представляетъ собою юридическое лицо, снабженное полною имущественною обособленностью отъ входящихъ въ составъ его членовъ. Судъ беретъ какъ нѣчто незыблемое, что полное товарищество есть юридическое лицо и, если бы это было такъ, то судъ былъ бы правъ. Такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому, дѣйствительно ли представляетъ собою торговый домъ юридическое лицо или нѣтъ. Прежде всего нужно указать, что понятіе юридическаго лица есть понятіе отвлеченное, юридическое лицо есть фикція. Создается оно только велѣніемъ законодателя и потому у насъ въ Россіи невозможно говорить о созданіи юридическаго лица какимъ либо инымъ путемъ, какъ по волѣ или съ разрѣшенія законодательной власти. Дѣятельность юридическаго лица, принадлежащая ему права и объемъ послѣднихъ опредѣляются уставомъ его, нуждающимся въ санкціи верховной власти. Частныя лица не могутъ по своему собственному усмотрѣнію и произволу создать юридическое лицо и это тѣмъ болѣе невозможно у насъ въ Россіи, гдѣ подобное право частныхъ лицъ создавать юридическое лицо легко можетъ привести къ удобному и доступному обходу закона. Въ Россіи существуетъ цѣлый рядъ ограниченій въ сферѣ имущественной правоспособности гражданъ, обусло-

вленныхъ ихъ вѣроисповѣданіемъ или принадлежностью къ той или иной національности. Если признать, что соединеніе въ товарищество двухъ лицъ съ такою ограниченою правоспособностью имѣть результатомъ своимъ образованіе совершенно самостоятельнаго юридическаго лица, которое, разумѣется, стоитъ внѣ религіи и принадлежности къ какой либо націи, то достаточно такимъ лицамъ образовывать полное товарищество, чтобы обойти ограничительный законъ. Всякій, конечно, скажетъ, что такое положеніе вещей немислимо и что подобное товарищество не будетъ самостоятельнымъ, независимымъ и совершенно обособленнымъ отъ личности товарищей юридическимъ лицомъ, ибо у него не будетъ санкціи верховной власти, дающей ему самостоятельное существованіе. Слѣдующій вопросъ, который возникаетъ въ настоящемъ дѣлѣ—опредѣленіе юридической природы товарищества, образованнаго Громовымъ и Ратьковъ-Рожновымъ. Несомнѣнно, что этотъ союзъ не подходитъ ни подъ одинъ изъ видовъ товарищества, предусмотрѣнныхъ нашимъ закономъ, и потому большее, чѣмъ можетъ добиться Ратьковъ-Рожновъ,—это признанія его полнымъ товарищемъ. Полное товарищество, если въ товарищескомъ договорѣ это предусматрѣно, можетъ пріобрѣтать недвижимое имущество, но это не будетъ имуществомъ полного товарищества, но имуществомъ полныхъ товарищей, у нихъ будетъ то, что называется общая собственность, они будутъ собственниками, совладѣльцами. Если перейти къ опредѣленію юридической позиціи Ратькова-Рожнова въ отношеніи этихъ недвижимыхъ имѣній, то если даже признать его полнымъ товарищемъ, чему препятствуетъ, однако, отсутствіе его имени въ фирмѣ, врядъ ли будетъ возможнымъ предположить, что онъ являлся сособственникомъ Громова. Непремѣннымъ условіемъ для признанія лицомъ вещнаго права на недвижимое имѣніе является упоминаніе его имени въ купчихъ крѣпостяхъ, между тѣмъ имени Ратькова-Рожнова нигдѣ нѣтъ и потому за нимъ не можетъ быть признано право собственности на переписанныя на имя товарищества имѣнія въ какой бы то ни было части. Ему принадлежитъ только право участія въ доходахъ и прибыляхъ съ этихъ имѣній въ части, соответствующей его вносу, а въ случаѣ ликвидаціи товарищества у него никогда не могло бы возникнуть права на выдѣлъ ему 1/3 имущества въ натурѣ, но только на уплату другими товарищами соответствующей его участію въ дѣлѣ суммы. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній можно опредѣленно говорить, что имущества, переписанныя на имя товарищества, по прежнему остались въ рукахъ Громова и ни о какой потерѣ ими ихъ свойства родовыхъ говорить не приходится. Но если даже допустить, что родовое свойство этихъ имѣній утрачено, то врядъ ли изъ этого можно дѣлать выводъ, что нотаріальное духовное завѣщаніе утратило силу. Громовъ желалъ, чтобы его недвижимыми имѣніями пожизненно пользовалась его жена; въ моментъ составленія имъ духовнаго завѣщанія всѣ его недвижимыя имѣнія были родовыя и онъ, говоря о пожизненномъ владѣніи ея въ будущемъ, указаніемъ на родовой характеръ этихъ имѣній опредѣлялъ объектъ наслѣдованія, но отнюдь не ставилъ воспріятіе духовнымъ завѣщаніемъ силы въ зависимость отъ сохраненія имуществомъ этого свойства. Поэтому право пожизненнаго владѣнія Громова недвижимыми имѣніями Громова должно было во всякомъ случаѣ остаться неприкосновеннымъ. Судъ, путая термины, то говорить, что Евреина это право пожизненнаго владѣнія уступила, то утверждаетъ, что она отъ него отреклась. Нужно строго различать понятіе уступки права и отреченія отъ права. Уступать свое право владѣнія можно другому лицу и подобная уступка можетъ быть условной, но отреченіе отъ него, какъ всякое

отречение от наследства, при непремѣнномъ условіи его безусловнаго характера, можетъ идти лишь на пользу наследниковъ. Въ находящихся передъ судомъ актахъ все время идетъ рѣчь объ уступкѣ Евреиновой своихъ правъ, кромѣ неустойчивой записи, гдѣ содержится недопустимый по нашему праву отказъ отъ судебной защиты. Указаніе, что Евреинова не осуществила своихъ правъ, совершенно невѣрно. Какъ бы мала валюта ни была, но уплата ее послѣдовала и въ выполненіи принятыхъ на себя обѣими сторонами обязательствъ нужно видѣть именно осуществленіе Евреиновой ее правъ. Нельзя упускать изъ виду стариннаго положенія *semel heres—semper heres*.—Тотъ, кто осуществлялъ наследственные права свои въ части, тотъ принялъ наследство въ полномъ объемѣ. Врядъ ли правильно отрицать, что неустойчивая записка содержать въ себѣ отказъ отъ судебной защиты. Если внимательно прочесть текстъ ея въ соответствующей части, то станетъ яснымъ, что болѣе рельефно подобнаго отказа выразить нельзя. Ссылка отвѣтчика на давность раздѣляется судомъ, но при этомъ тоже неправильно. Различается, какъ извѣстно, давность исковая и давность пріобрѣтательная. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ пропуска ни исковой, ни пріобрѣтательной давности. Исковая давность не можетъ почитаться пропущенной въ виду того, что имущество сдано было въ аренду на 12 лѣтъ и срокъ этотъ истекъ только въ 1894 г. Указанія на условный характеръ аренднаго договора падаютъ въ виду того, что въ частяхъ своихъ онъ получилъ силу и былъ безусловнымъ. Евреинова получила вознагражденіе, Ратьковъ-Рожновъ выдалъ въ обезпеченіе слѣдующихъ съ него платежей закладную. Если ближе вчитаться въ договоры и представить себѣ на одинъ моментъ, что Евреинова вздумала бы на другой день послѣ заключенія ихъ предъявить къ Ратькову-Рожнову искъ, то несомнѣнно онъ сослался бы на то, что ему принадлежитъ право пользования имѣніемъ на основаніи аренднаго договора; разницы, конечно, нѣтъ, разъ такое возраженіе мыслимо, будетъ ли оно сдѣлано на другой день послѣ заключенія договора объ арендѣ или за нѣсколько дней до истечения срока его—въ теченіе всего времени, на которое имущество было сдано въ аренду, т. е. до 1894 г. Евреинова не могла предъявить иска и потому исковая давность не текла и потому она не пропущена. Невозможно говорить и объ истеченіи пріобрѣтательной давности. Достаточно вспомнить, какими условіями обставляется нашъ законъ пріобрѣтеніе права собственности по давности. Непремѣнно требуется владѣніе въ видѣ собственности, владѣніе открытое, владѣніе отъ своего имени. Ничего подобнаго не было въ данномъ случаѣ. Никогда Ратьковъ-Рожновъ не владѣлъ отъ своего имени, всегда владѣніе было подъ фирмою „Громовъ и К^о“, но не подъ именемъ Ратькова-Рожнова, стоявшаго въ теченіе всего времени какъ бы за ширмою, владѣвшаго какъ бы за покойника. При такихъ условіяхъ падаютъ доводы суда, по силѣ коихъ въ искѣ Евреиновой отказано, и потому прис. пов. А. Я. Пассоверъ выражаетъ надежду на отгнѣну рѣшенія и удовлетвореніе исковыхъ требованій.

Прис. пов. М. К. А да м о в ъ заявляетъ, что онъ всецѣло присоединяется къ соображеніямъ А. Я. Пассовера и лишь считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что, кромѣ Евреиновой, путемъ сложныхъ юридическихъ хитросплетеній обойдены другія лица, законный интересъ которыхъ нуждается въ защитѣ.

Прис. Пов. В. О. Люстихъ находить, что искъ Евреиновой предъявленъ неправильно. Она все время говоритъ о своихъ правахъ на недвижимыя имущества покойнаго И. Ѳ. Громова, но не даетъ точнаго перечисленія дѣйствительно перешедшихъ къ фирмѣ имѣній. При составленіи исковаго прошенія она руководствовалась, внѣ всякаго

сомнѣнія, раздѣльнымъ актомъ, совершеннымъ въ 1871 г. до образованія товарищества. Последнее еще при жизни Громова заключало относительно всѣхъ этихъ имѣній сдѣлки и къ товариществу на самомъ дѣлѣ перешли не всѣ имѣнія; такъ, не перешла Графская Биржа, дача на Каменномъ островѣ, Уфимская дача. Поэтому истица прежде всего надлежитъ на точномъ основаніи 366 ст. у. гр. с. представить доказательство, что тѣ или иныя имѣнія Громова, дѣйствительно, были проданы товариществу „Громовъ и К^о“. Самое разсмотрѣніе исковыхъ требованій приводитъ къ убѣжденію во всей несостоятельности настоящаго иска. Евреинова утверждаетъ, что ей принадлежить право пожизненнаго владѣнія, а проситъ признать, что Ратьковъ-Рожновъ неправильно устраняетъ ее отъ пользования доходами, выгодами и прибылями. Особенно неправильно ее требованіе отчета объ этихъ доходахъ, ибо права требовать какого либо отчета отъ Ратькова-Рожнова у нея несомнѣнно нѣтъ. Обязанность лица представить кому либо отчетъ обуславливается наличностью между лицами такихъ отношеній, изъ которыхъ вытекала бы эта обязанность—таковы отношенія приказчика, коммисіонера и т. п., но ни въ коемъ случаѣ не отношенія, существующія въ настоящемъ дѣлѣ между истицею и отвѣтчикомъ. Неправильны указанія, что не пропущена исковая давность. Возраженіе противъ утвержденія суда, что арендный договоръ не вступилъ въ силу, какъ условный, не выдерживаютъ критики. Говорить о томъ, что Евреинова осуществила будто бы принадлежащее ей право пожизненнаго владѣнія не приходится, такъ какъ по закону (ст. 533 т. X., 1) родовое имѣніе, предоставленное однимъ супругомъ другому, утверждается за пожизненнымъ владѣльцемъ по описи. Указаніе закона по этому вопросу отличается рѣзкою императивностью и составленіе описи безусловно обязательно. Въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было, Евреинова не предполагала приступить къ пожизненному владѣнію имѣніями и арендный договоръ, на которомъ она строитъ въ настоящее время всѣ права свои, былъ заключенъ условно, на всякій случай и остался на бумагѣ.

Прис. Пов. П. А. Потѣхинъ заявляетъ, что прежде всего онъ считаетъ нужнымъ отмѣтить совершенно излишней привнесеніе той или иной окраски настоящаго дѣла, которую привнесъ А. Я. Пассоверъ. Судъ гражданскій разбираетъ дѣла только на основаніи законовъ, документовъ и правильно установленной фактической стороны дѣла. Интересы его довѣрителя требуютъ, однако, заявить, что утвержденія повѣреннаго истца, изъ которыхъ можно вывести заключеніе, что будто бы Ратьковъ-Рожновъ „обдѣлалъ“ настоящее дѣло, совершенно неправильны. Искъ ни Ратькова-Рожнова, ни Евреинова договоры, представленныхъ суду, не писали, за ними стояли опытные и свѣдущіе юристы, нынѣ оба покойные—со стороны Ратькова-Рожнова прис. пов. Банкъ, а со стороны Евреиновой прис. пов. Герардъ. Единственный вопросъ, который можетъ возникнуть, правильно ли юридически эти повѣренные исполнили свою задачу,—и на этотъ вопросъ нужно отвѣтить утвердительно. Центральнымъ пунктомъ настоящаго спора является юридическая природа полнаго товарищества. Наиболѣе слабымъ доводомъ является указаніе, что тамъ, гдѣ въ фирмѣ нѣтъ имени товарищей, тамъ нѣтъ полнаго товарищества. Надо различать фирму и товарищескій договоръ. Фирма избирается по полному произволу, иногда торговое дѣло ведется подъ фирмою одного изъ товарищей, иногда просто подъ какимъ либо вымышленнымъ именемъ и названій такихъ фирмъ мы встречаемъ десятки и сотни. Въ товарищескомъ договорѣ уже иное, тамъ, конечно, прописываются всѣ товарищи и указаніе или неуказаніе въ немъ имени того или иного лица получаетъ серьезное юридиче-

ское значение. Какъ известно, купеческой управѣ сообщается выписка изъ товарищескаго договора и это, т. н., объявленіе товарищества очень важно. Это и опредѣляетъ, какой видъ приобретаетъ товарищество. Поэтому, при обсужденіи вопроса о томъ, что на самомъ дѣлѣ представляли собою отношенія Громова и Ратькова-Рожнова, отношенія полныхъ товарищей или нѣтъ, нужно руководиться не тѣмъ, что написано на вывѣскѣ ихъ, а въ договорѣ и выискѣ, сообщенной купеческой управѣ. Тамъ было сказано, что Ратьковъ-Рожновъ и Громовъ образовали полное товарищество. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что полное товарищество является юридическимъ лицомъ. И теорія и практика, вопреки утвержденіямъ истицы въ ея апелляціонной жалобѣ и ея повѣреннаго, признаетъ полное товарищество юридическимъ лицомъ. Въ апелляціонной жалобѣ дѣлается ссылка на К. П. Побѣдоносцева, бывшаго въ свое время профессоромъ Московскаго университета, но врядъ ли эта ссылка можетъ быть названа удачною. Побѣдоносцевъ никогда спеціально не занимался торговымъ правомъ и за послѣдніе годы, несомнѣнно, отсталъ отъ практики судебныхъ мѣстъ; между тѣмъ извѣстный знатокъ торговаго права проф. Казанскаго университета Шершеневичъ категорически утверждаетъ въ своемъ курсѣ, что полное товарищество есть юридическое лицо съ обособленною и, независимо отъ составляющихъ его лицъ, имущественною правоспособностью. Если обратиться къ практикѣ, то на этой же точкѣ зрѣнія стоитъ какъ торговая практика IV департамента и II общаго собранія Правит. Сената, такъ и практика Гражданскаго кассац. департ. Ссылка, которая имѣется въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе, напечатанное въ сборникѣ Гребнера подъ № 37, не имѣетъ значенія, ибо выписка, сдѣланная изъ этого рѣшенія, не отличается точностью. Между тѣмъ противъ утвержденія апеллятора ярко высказывались и IV департ. и II общее собраніе, а въ рѣшеніяхъ гражд. кассац. департ. 1881/₃₁₅ 1887/₄₂ и 1889/₁₈₆ опредѣленно въ полномъ товариществѣ признавалось юридическое лицо. Истица все время ссылается на порядокъ отвѣтственности полныхъ товарищей по обязательствамъ товарищества и въ этомъ усматриваетъ главное препятствіе къ признанію полнаго товарищества юридическимъ лицомъ, совершенно упуская изъ виду, что отличительныя черты юридическаго лица не исчерпываются ограниченою отвѣтственностью лицъ, входящихъ въ составъ его. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ того, что нашъ законодатель считаетъ полное товарищество самостоятельнымъ лицомъ можетъ служить то, что начиная съ 1898 г., т. е. со времени изданія новаго положенія о промысловомъ налогѣ, товарищество выбираетъ свидѣтельство на свое имя, тогда какъ прежде его должны были выбирать товарищи. Совершенно не представляется возможнымъ признать правильными разсужденія А. Я. Пассовера, высказанныя имъ по вопросу о томъ, кто является собственникомъ имущества приобретеннаго товариществомъ. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что право собственности принадлежитъ товариществу а не вѣе всего возможно утверждать, что устанавливается общая собственность. Излишне требовать, чтобы въ купчихъ крѣпостяхъ упоминалось имя всѣхъ товарищей—товарищество приобретаетъ имущество, если въ купчей крѣпости указана фирма и, принадлежность имуществу тому или иному субъекту отъ этого ничуть не измѣнится. При этомъ нужно принять къ свѣдѣнію, что притязанія отдѣльныхъ товарищей опредѣляются не внесенными въ дѣло вкладами, какъ думаетъ повѣренный истицы, а исключительно балансомъ. Взаимныя отношенія товарищей по имуществу, безразлично движимому или недвижимому, могутъ постоянно видоизмѣняться, и товарищѣ, вступившій въ дѣло съ большимъ

вкладомъ, можетъ его выбрать и его участіе въ дѣлѣ впоследствии выразится въ минимальныхъ размѣрахъ и, наоборотъ, участіе другого, вступившаго съ ничтожнымъ вкладомъ, можетъ получить первенствующее значеніе — регулирующимъ показателемъ въ обоихъ случаяхъ будетъ балансъ, а потому должно пасть утвержденіе истцовой стороны, что въ лучшемъ случаѣ Ратькову-Рожнову можетъ принадлежать $\frac{1}{3}$ имущества, но не всѣ имущества въ полномъ составѣ. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ товарищей по имуществу неоднократно былъ предметомъ сужденій Правит. Сената и разрѣшался въ смыслѣ для истицы неблагоприятномъ. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что имущество Громова утратило свой родовый характеръ. Несомнѣнно несостоятельныя нападки на неустойчивую запись, т. к. она отнюдь не противорѣчитъ ст. 691 ст. Т. X ч. 1 и безусловно неправильныя утвержденія о договорахъ, заключенныхъ 12 декабря 1882 г. Условный характеръ договора объ арендѣ недвижимыхъ имѣній Громова, уступленныхъ товариществу не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо вступление его въ силу могло наступить или по волѣ Ратькова-Рожнова, или вслѣдствіе признанія судомъ законными домогательствамъ наследниковъ Громова по закону. Ни того, ни другого не было и потому арендный договоръ силы не воспріялъ и потому Евреиновой пропущена давность. Какъ ни остроумно указаніе на то, что владѣль Ратьковъ-Рожновъ въ теченіе всего этого времени не отъ своего имени, а отъ имени Громова, но подобное указаніе объясняется забвеніемъ товарищескаго договора и поконится на недоразумѣніи. Ссылка на то, что нотаріальное завѣщаніе сохранило свою силу не можетъ имѣть мѣста, ибо если домашнее духовное завѣщаніе, въ которомъ дѣлается распоряженіе относительно родового имущества, не было оспорено въ теченіе двухъ лѣтъ, то распоряженіе это должно почитаться законнымъ и потому невозможно говорить о какой либо силѣ нотаріальнаго завѣщанія, игнорируя при томъ указаніе ст. 533¹³ т. X, ч. 1, что право, предоставляемое однимъ изъ супруговъ другому на пожизненное владѣніе родовымъ его имѣніемъ, уничтожается само собою, когда имѣніе это окажется выбывшимъ изъ его собственности и перешедшимъ къ другому лицу.

Прис. пов. А. Я. Пассоверъ говоритъ, что онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что искъ предъявленъ неправильно. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что на лицо имѣется споръ о правѣ гражданскомъ, который по общимъ началамъ и долженъ быть предметомъ разсмотрѣнія судебныхъ установленій. Къ Ратькову-Рожнову, какъ къ 3-му лицу, нарушившему права Евреиновой, и не можетъ быть предъявлено никакого иного иска, какъ иска о признаніи неправильно устранившимъ ее отъ пользованія имуществомъ, ибо съ искомъ о пожизненномъ владѣніи лицо, которое считаетъ, что у него есть это право, должно обратиться къ собственнику. Что же касается утвержденія противной стороны, что истцую неправильно показаны перешедшими товариществу „Громовъ и К^о“ тѣ родовыя имѣнія, которыя указаны въ таковомъ прошеніи, то въ случаѣ, если таковое же сомнѣніе возникаетъ у палаты, истица проситъ выдать ей свидѣтельство на полученіе справокъ изъ подлежащихъ установленій о купчихъ крѣпостяхъ, заключающихъ товариществомъ съ покойнымъ И. Θ. Громовымъ. Для того, чтобы имѣть право требовать отчета, не нужно непременно имѣть дѣло съ приказчикомъ, комиссіонеромъ и т. п., но могутъ такъ сложиться фактическія обстоятельства, именно въ случаѣ допущеннаго правонарушенія, что тотъ или иной субъектъ обязанъ дать отчетъ въ сдѣланномъ. При опредѣленіи правъ товарищества на имущество совершенно упускаютъ значеніе крѣпостныхъ актовъ и

хотя П. А. Потѣхинъ и утверждаетъ, что имущество можетъ быть приобретено на имя одного изъ товарищей или фирмы, но принадлежать будетъ товариществу какъ таковому, однако въ правильности подобнаго утверждения можно усомниться, ибо собственникомъ долженъ считаться тотъ, кто числится таковымъ по актамъ. Въ заключение А. Я. Пассовъ указалъ на допущенное повѣреннымъ противной стороны неправильное указаніе, что домашнее духовное завѣщаніе, если даже имѣнія и не утратили своего родового свойства, дѣйствительно и въ отношеніи родовыхъ имуществъ, ибо своевременно не было оспорено. П. А. Потѣхинъ совершенно упущено преимущественное значеніе нотаріальнаго акта.

Прис. пов. П. А. Потѣхинъ, ссылаясь на рѣшеніе по дѣлу граф. Гейденъ и Кореневыхъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что спора о правѣ гражданскомъ въ данномъ случаѣ нѣтъ. Не возражая противъ выдачи истицѣ просимаго свидѣтельства, П. А. Потѣхинъ выражаетъ увѣренность, что соображенія его о юридической природѣ товарищества не опровергнуты соображеніями, представленными повѣреннымъ истицы. Неправильно истребованіе отчета такъ же, какъ неправильно голо выраженное требованіе, чтобы Ратьковъ - Рожновъ возмѣстилъ убытки, ибо совершенно упускается изъ виду, что убытки нужно доказать, и это требованіе строго доказаннаго размѣра понесенныхъ убытковъ примѣняется въ полной силѣ даже тогда, когда оно предъявляется къ недобросовѣстному владѣльцу. Сравнительное преимущество получаетъ нотаріальный актъ передъ домашнимъ лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о доказательствахъ, но не тогда, когда спорятъ о немъ какъ объ источникѣ права.

Суд. палата утвердила рѣшеніе суда объ откзѣ Евреиновой въ искѣ.

Саратовскій окружный судъ.

(Оправданіе сознавающихся подсудимого).

7-го текущаго марта началась въ Аткарскѣ уголовная сессія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ членъ саратовскаго окружнаго суда П. А. Румянцевъ.

Послѣ привода къ присягѣ присяжныхъ засѣдателей предсѣдательствующій обратился къ нимъ съ обычною пояснительною рѣчью о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей и о порядкѣ веденія дѣла въ судебномъ засѣданіи. Выслушавъ объясненія, одинъ изъ присяжныхъ обратился къ предсѣдателю „Ваше превосходительство, дозвольте вамъ доложить — я, вотъ, читалъ въ одной газетѣ въ послѣднее время, что Сенатъ запретилъ присяжнымъ оправдывать обвиняемаго, если онъ сознался въ своей винѣ. Такъ будьте добры объяснить намъ, зачѣмъ же въ такихъ случаяхъ, когда стало быть, виновный въ винѣ своей сознается, насъ зовутъ въ судъ судить его?“

На это предсѣдательствующій сообщилъ присяжнымъ, что послѣ упомянутаго рѣшенія Сената послѣдовалъ новый указъ Сената, коимъ отмѣняются прежніе по тому же вопросу указы и дается присяжнымъ полная свобода судить по совѣсти, не обвиняя невинныхъ и не оправдывая виновныхъ“.

Послѣ этого приступлено было къ разбору дѣла. Обвинялся бывший товарный кассиръ станціи Аткарскъ Рязанско-Уральской жел. дор. Левъ Кондратьевъ въ томъ, что, состоя въ этой должности, онъ въ періодъ времени съ начала апрѣля по 12 мая 1902 года, изъ поступающихъ къ нему отъ получателей денегъ за провозъ грузовъ, не передавалъ ихъ по принадлежности въ кассу дороги, а присвоилъ себѣ всего 1258 р. 20 коп., при чемъ съ цѣлью сокрытія произведенной имъ растраты онъ—

не заносилъ своевременно на приходъ въ товарныя книги нѣкоторыхъ грузовъ, а посредствомъ составлявшихся имъ подложныхъ пропускныхъ записокъ выдавалъ ихъ получателямъ грузовъ безъ отмѣтокъ о томъ въ подлежащихъ документахъ и вырученную отъ нихъ сумму обращалъ въ свою пользу, что предусмотрено ст. ст. 1681 и 1692 улож. о наказ.

На предварительномъ слѣдствіи Кондратьевъ чистосердечно сознался во всемъ и объяснилъ, что растрату онъ произвелъ вслѣдствіе тяжело сложившихся для него условий семейной жизни и при недостаточномъ для содержанія семьи жалованьи.

На судѣ показаніями свидѣтелей выяснилось, что К. Человѣкъ крайне слабохарактерный, доверчивый и добродушный, что онъ давалъ взаимныя деньги всѣмъ служащимъ—своимъ товарищамъ, а обратно ихъ не получалъ, что даже получателямъ грузовъ выдавалъ таковые въ кредитъ и получалъ отъ нихъ деньги несвоевременно.

Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе и просилъ отнестись къ нему согласно его поступку. Защитникъ Кондратьева, пом. присяж. повѣр. Н. И. Петровъ, указалъ присяжнымъ, что въ этомъ дѣлѣ заключаются именно всѣ характерныя признаки того случая, когда подсудимый чистосердечно сознается въ своей винѣ, а въ обстоятельстве дѣла существуютъ всѣ условія, исключаютія его виновности.

Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ.

Хроника.

Прав. Сенатъ разъяснилъ, что постановленія гор. думъ вступаютъ въ силу указаннымъ въ ст. 82 гор. пол. порядкомъ, независимо отъ того, когда они сдѣланы извѣстными лицу, считающему ихъ неправильными.

(12/II 904 г. № 1169).

Прав. Сенатъ разъяснилъ, что обложенію городскимъ оцѣночнымъ сборомъ подлежатъ тѣ недвижимыя имущества, которыя приносятъ доходъ или хотя бы и не приносили никакого дохода, но являются способными къ принесенію извѣстнаго дохода, а такъ какъ зданія и сооруженія неоконченной постройки никакого дохода приносить не могутъ, то и не относятся къ числу тѣхъ недвижимыхъ имуществъ, которыя на основаніи ст. 128 Город. Полож. 1892 г. подлежатъ обложенію городскимъ оцѣночнымъ сборомъ. (30—I 1904 г. № 128).

Прав. Сенатъ разъяснилъ, что судебные слѣдователи, въ случаѣ признанія имъ размѣра отпускаемыхъ имъ квартирныхъ денегъ недостаточными, обязаны заявлять объ этомъ своему начальству, которое, если найдетъ претензію ихъ уважительною, входитъ въ соглашеніе съ подлежащимъ земствомъ относительно увеличенія квартирнаго довольствія или объ отводѣ, взаимѣнъ сего, квартирѣ въ натурѣ. (30—I 1904 г. №№ 729, 730, 731).

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 20 марта опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нуме-

ровъ газеты „Курьеръ“, приостановленную распоряженіемъ отъ 16-го января сего года.

По словамъ „Финл. Газ.“, по распоряженію финляндскаго главнаго управленія по дѣламъ печати дано первое **предостереженіе** выходящей въ городѣ Коткѣ газетѣ „Etelä Suomi“ за помѣщеніе Высочайшаго рескрипта на имя финляндскаго генераль-губернатора отъ 18-го (31-го) декабря 1903 г., въ № 15 отъ 6-го минувшаго февраля, на четвертой страницѣ названной газеты, послѣ текста, между объявленіями.

Учрежденная подъ предѣлательствомъ генерала Трофимова комиссія по **пересмотру крестьянскихъ законоположеній** въ губерніяхъ Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской, Эриванской и Бакинской закончила свои работы. На основаніи предложенныхъ генераль-адъютантомъ кн. Голицынымъ основныхъ началъ задуманной имъ крестьянской реформы комиссія выработала проектъ новыхъ положеній: объ управленіи и судѣ, о поселенскихъ уч. начальникахъ, у. сѣздахъ и губернскихъ по посел. дѣламъ присутствіяхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ проектировала она и штаты этихъ учреждений и лицъ.

Въ сельскомъ управленіи вводится, вмѣсто одной администр.-хозяйственной единицы—с. общества, двѣ: одна, административная единица, это—волость, эта организація слагается изъ количества дворовъ (до 1,500), чтобы расходы по содержанию ея были не обременительны для крестьянъ. Вторая единица—с. общество, она должна состоять большею частью изъ одного селенія и должна служить для разрѣшенія сходоу этого селенія, по собственной инициативѣ и безъ всякихъ формальностей, сосѣдскихъ и хозяйственныхъ общихъ дѣлъ. Существенное измѣненіе, внесенное комиссіею, касается суда: онъ организованъ при волости. Въ связи съ этой мѣрой учреждена для вол. суда апелляціонная инстанція, въ лицѣ уѣзднаго сѣзда. Этой инстанціи предоставлено кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ отмѣнять явно неправосудныя рѣшенія волостного суда. По указанію главноначальствующаго, учреждается для крестьянъ должность спеціально-поселенскаго начальника. На это лицо, по проекту, возложены всѣ до настоящаго времени лежащія на мировомъ посредникѣ обязанности по земельному устройству всѣхъ какъ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ поселенъ. Дворянское представительство введено, въ лицѣ губернскаго предводителя дворянства, только въ губернское присутствіе, такъ какъ только въ этомъ учрежденіи имѣются дѣла о земельномъ устройствѣ крестьянъ.

Вновь избранный **предѣлатель** вологодской губернской земской управы В. А. Кудрявый не утвержденъ въ должности министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Предстоятъ новые выборы.

(Р. Сл.)

Во Владимірѣ-губ. комитетомъ попечительства о нар. трезвости въ отвѣтъ на сдѣланное имъ въ прош-

ломъ году представленіе полученъ недавно отъ ученаго комитета мин. нар. пр. отвѣтъ, разъясняющій циркулярное предложеніе названнаго министерства отъ 2-го февраля 1896 года за № 2,656.

Согласно этому разъясненію, всякое новое изданіе книги, **разъ допущенной ученымъ комитетомъ** къ обращенію въ бесплатныхъ нар. библіотекахъ-читальняхъ, допускается въ нихъ независимо отъ того, выпущено ли оно новымъ издателемъ, или старымъ, есть ли на новомъ изданіи помѣтка о томъ, что оно перепечатывается безъ измѣненій съ изданія, допущеннаго въ читальни или нѣтъ, „такъ какъ по существу,—говорится въ отвѣтѣ,—существенно лишь то, чтобы оно по существу было тождественно съ допущеннымъ изданіемъ“.

(Р. Р.)

17-го марта въ петербургской судебной палатѣ, въ усиленномъ составѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, было назначено къ слушанію дѣло **по обвиненію приватъ-доцента петербургскаго университета** Евгенія Аничкова и дворянки Ариадны Борманъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252-й ст. Ул. о нак. Предѣлательствовалъ старшій предѣлатель И. К. Максимовичъ, обвинялъ товарищъ прокурора И. К. Камышанскій, защищали присяжные повѣренные Н. П. Карабчевскій, М. Л. Мандельштамъ и пом. прис. пов. Д. К. Тиронъ. Дѣло, за болѣзнью г-жи Борманъ, отложено.

14 марта содержавшіеся въ арестномъ помѣщеніи при финскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи 40 чел. арестованныхъ произвели въ помѣщеніи **безпорядки**, причѣмъ бушевавшіе разбили всѣ окна и двери въ камерахъ, избили сторожа Мироновича, а нѣсколько человекъ успѣли ворваться въ канцелярію помѣщенія, гдѣ облили керосиномъ шкафъ и зажгли его. Во время общаго сматенія арестованные выломали наружную дверь и бросились къ выходу, желая убѣжать. Тѣмъ временемъ для тушенія огня явились пожарные, которые и задержали въ дверяхъ пытавшихся бѣжать. Задержанные у выхода арестанты, однако же, не исполнили приказанія вернуться обратно въ камеру, почему явившійся для прекращенія безпорядковъ полицеймейстеръ А. В. Махцевичъ вызвалъ роту солдатъ Юрьевскаго полка, при содѣйствіи которой арестанты и были водворены на мѣста. Вслѣдствіе полнаго разгрома арестантскаго помѣщенія, всѣ содержавшіеся въ немъ, съ согласія участковаго товарища прокурора, переведены временно для содержанія въ мѣстную тюрьму.

(Дв. Л.)

По дѣлу объ **убійствѣ полиц. урядника** въ м. Шкловѣ обвиняемые (двое) въ засѣданіи выѣздной сессіи кievской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, состоявшейся въ г. Могилевѣ 12 марта, признаны виновными и осуждены на 12 лѣтъ каторжныхъ работъ.

(С.—З. Кр.)

11 марта въ г. Мариуполь особое присутствие харьк. суд. палаты слушало дѣло о председателѣ одного изъ вол. судовъ мариуп. уѣзда, Палѣй, обвиняемомъ въ **превышеніи власти** и **вымогательствѣ**. Палѣй по обвинительному акту, не имѣя законныхъ оснований, лишалъ свободы не только тяжущихся, но даже и такихъ лицъ, какъ своихъ коллегъ—вол. судей, с. старосту и кандидата вол. старшины. Кромѣ того, тотъ же председатель вол. суда вымогалъ у тяжущихся „зятки могарычемъ“ (выпивкой). Обвиняемый въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ не призналъ себя виновнымъ, говоря, что тяжущихся подвергалъ аресту по приказанію вол. старшины, а остальныхъ, т. е. вол. судей, с. старосту и кандидата волостного старшины подвергалъ аресту потому, что они не подчинялись его распоряженіямъ.

Судебная палата вынесла резолюцію, по которой Палѣй подвергнутъ аресту при полиціи на 3 мѣсяца, причемъ на него возложены суд. издержки. (К.).

11-го марта въ камерѣ мир. судьи Кутаисскаго гор. отдѣла слушалось дѣло о нарушеніи общественнаго спокойствія и нанесеніи **оскорбленія дѣйствіемъ чинамъ полиціи** шестью землемѣрами Кутаисскаго межевого округа. Дѣло это возбуждено было по протоколу бывшаго Кутаиск. полицеймейстера кап. Лисовскаго. Всѣ обвиняемые оправданы.

(Нов. Об.).

Въ юрьевскомъ университетѣ ввѣщено объявленіе о томъ, что отнынѣ въ **университетъ** могутъ входить лишь тѣ студенты, которые имѣютъ особые входные билеты.

Профессорами мѣстнаго университета предполагалось прочесть цѣлый рядъ публичныхъ лекцій. Какъ теперь выяснилось, лекціи, по независящимъ отъ профессоровъ обстоятельствамъ, не состоятся.

(Прб. Кр.).

11 февр. въ Саратов. окр. судѣ судилась дѣвушка, 19 лѣтъ, кр. Коровина по обвиненію въ **кражѣ паспорта** и въ проживаніи по этому чужому документу. Подсудимая объяснила, что, прибывъ въ прошломъ году въ Казань для принсканія здѣсь какого-нибудь заработка, она нѣкоторое время бродила по городу безъ работы, ночуя въ ночлежкахъ и по „угламъ“ въ разныхъ притонахъ. Во время этихъ скитаній она была обворована, причемъ у нея похитили вмѣстѣ съ вещами и ея паспортъ. Тогда она въ свою очередь, чтобы выйти изъ положенія безпаспортной, рѣшила украсть подходящій паспортъ у какой-нибудь женщины. Ей удалось похитить паспортъ у такой же, какъ она сама, безработной дѣвушки Бажиной, и этотъ паспортъ она не замедлила представить въ удостовѣреніе своей личности на квартирѣ, гдѣ поселилась. Объясненія подсудимой о томъ, что ея собственный паспортъ былъ у нея похищенъ, или утерянъ, подтвердилось; онъ былъ найденъ какимъ-то почтальономъ въ почтовомъ ящикѣ, куда опускаются

письма, и переданъ полиціи. Присяжные заседатели оправдали подсудимую.

(С. Дн.).

У земск. начальн. 4 уч., Од. уѣзда,—обвинялись 26 крестьянъ деревни Марьяновки въ принадлежности къ **штундизму**, и каждый изъ обвиняемыхъ былъ приговоренъ къ штрафу съ замѣною арестомъ. Крестьяне жаловались въ Од. у. съѣздъ, заявляя, что они неправильно осуждены за штундизмъ, такъ какъ у полиціи составляются протоколы безъ достаточныхъ уликъ. По этому же дѣлу въ Од. у. съѣздъ поступилъ протестъ тов. прокурора Одесск. окр. суда Абрашкевича. По его мѣтнію, крестьяне дѣйствительно привлечены къ суду и обвинены безъ достаточныхъ уликъ. Осталось неустановленнымъ, что собраніе въ д. Марьяновкѣ было общественнымъ и являлось доступнымъ для всякаго и что на немъ молились, именно, по обрядамъ штундизма. Въ силу же закона о штундистахъ для ихъ обвиненія необходимо, чтобы богомоленіе сопровождалось проповѣдью въ духѣ лжеученія секты. Одесск. уѣздный съѣздъ постановилъ: дѣло о 26 штундистахъ д. Марьяновки препроводить на заключеніе Херс. губ. присутствія.

(Од. Л.).

12 марта казанскимъ окружнымъ судомъ разсматривалось дѣло объ одномъ **частномъ ходатаѣ** по судебнымъ дѣламъ С., обвинявшемся въ лжесвидѣтельствѣ на судѣ. Съѣздъ мир. судей, просматривая списокъ лицъ, не имѣющихъ установленнаго свидѣтельства на веденіе чужихъ дѣлъ въ судѣ, но, тѣмъ не менѣе, занимающихся адвокатскимъ промысломъ въ мировыхъ судахъ, обнаружилъ, что С. выступалъ повѣреннымъ по чужимъ дѣламъ въ 1903 г. четыре раза, между тѣмъ, какъ въ силу правилъ для повѣренныхъ, онъ могъ выступить только три раза. Изъ наведенныхъ съѣздомъ справокъ о томъ, какъ это могло случиться, обнаружилось, что С. при распросахъ мир. судьи во время разбирательства одного дѣла, въ которомъ выступалъ повѣреннымъ, заявилъ, будто выступаетъ всего лишь во второй разъ, тогда какъ это было уже третье принятое имъ на себя дѣло веденія дѣло. Привлеченный за это къ ответственности С., какъ на предв. слѣдствіи, такъ и на судѣ не признавалъ себя виновнымъ въ лжесвидѣтельствѣ. „Я забылъ о томъ, сколько дѣлъ провелъ,—оправдывался онъ,—и потому показалъ мир. судѣ, будто во второй разъ выхожу“.

Окр. судъ приговорилъ С.—а къ аресту на военной гауптвахтѣ на 10 дней.

(К. Т.)

На дняхъ открыла свою дѣятельность „консультация присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ при Костромскомъ окружномъ судѣ“.

Цѣль консультаций—1) давать совѣты и письменныя заключенія лицамъ, обращающимся къ ней за разрѣшеніемъ разнаго рода юридическихъ вопросовъ и 2) составлять для этихъ лицъ несложныя дѣловыя бумаги.

Консультация бывает открыта не менее двух разъ въ недѣлю отъ 11 час. до 2 час. дня.

Плата за устные совѣты и за составляемые консультантами дѣловыя бумаги устанавливается не менее 50 коп. Плата за письменныя заключенія и сложныя дѣловыя бумаги опредѣляется по соглашенію съ просителемъ.

Лицамъ недостаточнымъ содѣйствіе консультации оказывается бесплатно.

(К. Л.)

Керченскій комитетъ попечительства о народной трезвости обращается къ свѣдущимъ въ юриспруденціи лицамъ съ просьбою принять участіе въ организаціи и руководствѣ разрѣшеннаго комитету **бесплатнаго юридическаго бюро** для подачи совѣтовъ бѣдному населенію.

(Южн. Кр.)

Екатеринославскіе присяжные повѣренные и ихъ помощники обратились къ оберъ-прокурору уголовного кассационнаго департамента сената И. Г. Щегловитову съ телеграммой слѣдующаго содержанія: „Адвокаты при Екатеринославскомъ окр. судѣ горячо привѣтствуютъ въ васъ олицетвореніе **солидарности всѣхъ дѣателей суда** въ защитѣ правды и неотъемлемыхъ правъ обвиняемаго. По уполномочію товарищей прис. повѣр. Александровъ“. На эту телеграмму прис. пов. Александровъ вчера получилъ отвѣтъ: „Приношу вамъ и вашимъ товарищамъ искреннюю благодарность за привѣтствіе. Щегловитовъ“.

(„Ек. Л.“)

На дняхъ въ Троицкѣ присяжные повѣренные прощались съ **членомъ Троицкаго окружнаго суда** Федоромъ Владиміровичемъ Воссинимъ, переведеннымъ на ту же должность въ Самарскій окружной судъ. Отъ имени присяжныхъ повѣренныхъ былъ прочтенъ адресъ, въ которомъ, кромѣ обычныхъ пожеланій, адвокатура благодарила Федора Владиміровича за то уваженіе, которымъ она неизмѣнно пользовалась въ глазахъ Ф. В. и на которую онъ всегда смотрѣлъ какъ на необходимую пособницу суда. По словамъ адреса, Ф. В. былъ судьей вдумчивымъ, серьезнымъ, талантливымъ и отзывчивымъ на нужды всѣхъ, къ нему обращававшихся. Высоко цѣня носимое имъ званіе судьи, Ф. В. умѣлъ соединить требованія закона съ отсутствіемъ стѣснительнаго формализма.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ состоявшемся 19 февраля засѣданіи отдѣленія общаго права, подъ предсѣдательствомъ И. М. Тютрюмова, былъ прочитанъ докладъ Н. К. Кабардина: „Крестьянское самоуправленіе въ нашемъ законодательствѣ прошлаго столѣтія“.

Докладчикъ видитъ въ земельныхъ передѣлахъ, въ земельно-общинномъ самоуправленіи всѣхъ, не исключая бѣдныхъ, возможность борьбы противъ эксплуатаціи одного другимъ, противъ обезземеленія, безвыходнаго закабаленія бѣдныхъ, черезполосно-

сти, плохой землеобработки и т. д. Всякій, чѣмъ бы то ни было обиженный въ общинѣ, не лишень формально права бороться за улучшеніе и за правду вообще. Если община далека отъ той хорошей дѣйствительности, которая должна бы быть по ея хорошей основѣ, то причины этого—въ общинѣ. Для выясненія этихъ причинъ докладчикъ остановился на 6. гос. крестьянахъ, которые никогда не были въ крѣпостномъ состояніи. Сравнивая путемъ цѣлаго ряда статистическихъ данныхъ положеніе гос. крестьянъ по ревизіи 1837 г. съ ихъ положеніемъ въ серединѣ 60-хъ годовъ, докладчикъ даетъ яркую картину роста народнаго благосостоянія, при 5/2 десятинахъ земли на душу въ среднемъ (вмѣстѣ съ прирѣзкой). Измѣненіе въ бытѣ гос. крестьянъ было слѣдствіемъ сокращенія правительствомъ безмѣрныхъ взысканій и оказанія переселенческой, кредитной, просвѣтительной и юридической помощи историческому общинно-земельному самоуправленію.

Реформа состоялась въ 1838 г. въ видѣ передачи завѣдыванія гос. крестьянами изъ м—ва финансовъ и полиціи въ завѣдываніе особо для крестьянъ составленнаго м—ва государственныхъ имуществъ съ палатами въ губерніяхъ и окружными управленіями въ уѣздахъ. На мѣстахъ населенію были даны сельское и волостное самоуправленіе, двѣ инстанціи, именно, въ селеніяхъ и волостяхъ,—сходы, управы, секретари и судъ съ уставами, какіе присущи свободному самоуправленію вообще. Всѣ должностныя лица въ судѣ и управахъ, какъ и секретари, были выборными и платными. Изъ трехъ обязательныхъ въ году сходовъ одинъ, именно, весенній, служилъ исключительно для распредѣленія полей съ участіемъ представителей отъ каждаго дома. Всѣ рѣшенія сходовъ объявлялись въ церквахъ и, по истеченіи 4-хъ недѣль, если не было обжалованій, никто не могъ ихъ ни разсматривать, ни отмѣнять. Кромѣ того, по законамъ о состояніи изд. 1832 и 1842 гг., сохранившимъ полную силу въ реформѣ 1838 г., общинная земельная собственность, какъ бы она не была приобрѣтена, являлась неприкосновенной для личнаго торгово-биржевого состоянія и обогащенія. Отдѣльные участки ея давались сельскими и селенными сходами, міромъ въ трудовое, но не торговое пользованіе, и не домохозяевамъ лично, а цѣлымъ семействамъ. Міръ, но не отдѣльные домохозяева, имѣлъ также право сдавать свободныя отъ личной обработки общинныя земли въ аренду, хотя допускались исключенія, причѣмъ частные арендаторы, при бѣдности, взаимобразно обезпечивались необходимымъ инвентаремъ, постройками и пр. безъ всякихъ процентовъ и эксплуатаціи со стороны міра. Міръ могъ мѣнять свои земли на земли владѣльцевъ, казны, прикупать и пр. Въ случаѣ податныхъ недоимокъ міръ прискивалъ заработки, могъ обращаться за послѣдними къ окружнымъ, и произвелъ вычеты изъ заработныхъ платъ не въ формально и заранѣе установленномъ размѣрѣ, а съ такимъ расчетомъ, чтобы недоимщикъ и семья его не были лишены необходимаго продовольствія „и чтобы черезъ сію мѣру не остановились полевыя работы недоимщика“. О торговлѣ участками общинной земли, отводившимися міромъ для личной обработки, съ цѣлью пополненія недоимокъ, конечно, не могло быть даже рѣчи. Указанными сторонами реформы крестьянское общинно-земельное самоуправленіе постепенно освобождалось отъ міровѣдства и пришло къ предоставленію совершенно безпрепятственнаго выхода изъ трудовой общины въ купцы, ремесленники и пр. для всякаго желавшаго.

Не менее важной стороной положеній 1838 г. было огражденіе крестьянъ отъ частныхъ предпринимателей. Часть крестьянства постоянно отправлялась на заработки въ отхожіе промыслы. Бывали помѣщики, которые, пользуясь безвыходнымъ на

отходах положеніемъ крестьянъ, „селили селитьбу“, а затѣмъ превращали поселившихся въ своихъ крѣпостныхъ. Другіе закрѣпощали выдачей задаточныхъ денегъ и т. д. Реформой 1838 г. было установлено, чтобы предприниматели, желавшіе нанять гос. крестьянъ, обращались со своими предложеніями въ сельскія и волостныя управы, которыя или рѣшали условія найма сами или, въ случаѣ сложности, пересылали окружнымъ начальникамъ, а послѣдніе, при надобности, стряпчимъ при палатахъ, слѣдившимъ, отчитывавшимся и отвѣчавшимъ „за употребленіе крестьянъ для пользы частныхъ лицъ“. Другая важная мѣра реформы 1838 г. заключалась въ томъ, что чиновникамъ было запрещено быть на сходахъ и употреблять крестьянъ „на работы для своихъ прибытковъ“, т. е. реформа оградила крестьянъ отъ лицъ, которыя были обязаны только помогать крестьянству, но не обогащаться отъ него лично. Такъ какъ эта точка зрѣнія въ послѣднее время не особенно выдерживается, то докладчикъ счелъ необходимымъ остановиться на вопросѣ о значеніи, которое имѣетъ смѣшеніе законодателя съ частнымъ предпринимателемъ, несравненно болѣе пагубное, чѣмъ смѣшеніе суда съ администраціей при какихъ бы то ни было формахъ госуд. устройства. Опытъ истории заставляетъ сдѣлать выводъ, что это смѣшеніе является бичемъ для труда, знаній и особенно для любви ближняго и не только препятствуетъ социальнымъ реформамъ, но дѣлаетъ ихъ неосуществимой задачей.

Тѣмъ не менѣе, реформа 1838 г. была встрѣчена всеобщей ненавистью. Вѣдныя и задавленные на первыхъ порахъ не понимали возстановляемаго ею историческаго земельно-общиннаго самоуправленія и помощи со стороны правительства, никогда не носившаго характера завоевателя, а, напротивъ, призваннаго помогать Россіи, а въ томъ числѣ и бѣднымъ классамъ. Міроѣды не могли помириться съ равноправностью бѣдныхъ, поднявшихъ голосъ за дѣйствительныя улучшения, до осушенія болотъ включительно, и за искорененіе міроѣдства.

Либералы не могли помириться, что на дѣйствительную помощь народу пошли какіе-то чиновники. Консерваторы не могли простить, что оказывалась помощь простому народу, а не имъ, привилегированнымъ, по заведенному, было, порядку. Реформу трвили по всѣмъ линіямъ. Но никто не указалъ на дѣйствительную опасность со стороны бюрократизаціи и замкнутости новыхъ министерскихъ учрежденій, чѣмъ и воспользовался графъ Муравьевъ, оказавшійся министромъ новаго м-ва. Онъ очернилъ все, сдѣланное до него м-вомъ, передъ Александромъ II, и затѣмъ въ 1857 г. уничтожилъ сельскія управы, судъ, секретарей и окружныя управленія въ уѣздахъ, а волостямъ вернулъ павловскія полицейскія функціи. Хотя послѣ этого, до передачи гос. крестьянъ въ 1866 г. опять въ вѣдѣніе м-ва финансовъ, полиціи и пр., мѣстныя вспомогательныя и сберегательныя кассы, школы, аптечки и пр., благодаря жизненности историческихъ народныхъ началъ, получившихъ формальное признаніе и поддержку въ реформѣ 1838 г., дали наибольшее развитіе, однако, затѣмъ указанная передача, въ связи съ увеличеніемъ податей, уничтоженіемъ мірскихъ капиталовъ, образцовыхъ фермъ и вообще со всѣми пореформенными условіями, прозвела свое отрицательное дѣйствіе и приравняла гос. крестьянъ къ другимъ разрядамъ крестьянства. вмѣстѣ съ указанной передачей гос. крестьянъ, въ 1866 г. м-во гое. имущество было превращено въ чисто имущественное на частно-предпринимательскомъ правѣ.

Если сравнить реформу 1838 г. съ реформой 1861 г., не умаляя великаго освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, то въ послѣдней мы найдемъ только жалкіе слѣды исторически выросшаго и испытаннаго законо-

дательства о гос. крестьянахъ. Мы не найдемъ сельскихъ управъ, суда, подготовленныхъ секретарей и межевщиковъ, уставовъ, гарантировавшихъ правильное развитіе обычаевъ и общины, а только волостныя полицейскія функціи.

Не найдемъ 3-хъ обязательныхъ въ году селенныхъ и сельскихъ сходовъ, даже обязательнаго весенняго для распределенія полей. Не найдемъ даже юридической конструкціи неприкосновенности для личнаго торгово-биржевого состязанія общинной земельной собственности. Взысканіе несоразмѣрныхъ податей съ освобожденныхъ крестьянъ также передали въ м-во финансовъ, благоустройство—въ полицію и т. д., безъ заботы о соразмѣрности. Частнымъ предпринимателямъ, подъ флагомъ народнаго оздоровленія и развитія грамотности, дали власть принудительно облагать населеніе тоже податями помимо воли сходовъ. Объявленіе мірскихъ рѣшеній изъ церкви изъяли. Преподаваніе въ семинаріяхъ сельскаго хозяйства и медицинныя замѣнили библейскою исторіей. Первоначальную школу реформировали введеніемъ пѣнія и изученія псалмовъ, ирмосовъ, тропарей и кондаковъ. Въ 1889 г. мѣстнымъ частнымъ предпринимателямъ дали въ отношеніи къ крестьянамъ административную и судебную власть земскихъ начальниковъ съ правомъ уничтоженія любого рѣшенія міра по ихъ усмотрѣнію. Закономъ 1893 г. лишили общину права земельныхъ передѣловъ ея общинно-надѣльныхъ земель ранѣе 12 лѣтъ послѣ послѣдняго передѣла, что вызвало въ связи съ предыдущимъ, вмѣсто развитія содружества и борьбы за улучшеніе землеобработки и пр., торговлю другъ другомъ и личную торговую спекуляцію общинными землями, чему воплотивъ благопріятствовало очень высокое обложеніе податями со всѣхъ сторонъ, прямое и косвенное, и взысканія будто бы совершенно безкорыстныхъ, но, однако, безъ помощи по существу. Нѣкоторые стараются объяснить обѣднѣніе крестьянства его мало-земельемъ и подчеркиваютъ сравнительно плохую общинную землеобработку. Но ни о томъ, ни о другомъ нельзя даже говорить, въ подтвержденіе чего докладчикъ на протяженіи доклада привелъ цѣлый рядъ доказательствъ. „Бѣда крестьянская кроется въ чисто общественной разстроенности“, въ уничтоженіи сельскаго и волостнаго общинно-земельнаго самоуправления и въ усиленіи внѣшнихъ приказовъ и только взысканій. Новые податные законы 1899 и 1903 гг. установили основными мѣрами для посполненія недоимокъ и недоборовъ, въ дополненіе къ общему положенію крестьянства, также личную аукціонную торговлю общинной землей по личнымъ спискамъ недоимщиковъ—домохозяевъ въ рукахъ помогающихъ и вершачныхъ аукціонныхъ земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ.

Редакціонная комиссія, признавши въ предисловіи превосходство общины передъ личнымъ землевладѣніемъ, не только идетъ на встрѣчу личной торговлѣ общинной землей, но предлагаетъ размежевать и укрѣпить части общинной земли за отдѣльными домохозяевами въ личную собственность, какъ „общее“ благо и право; предлагаетъ дать домохозяевамъ, но не семьямъ, право требовать и получать общинную землю въ личное крѣпостное землевладѣніе, для чего сочинила новое уложеніе и особый судъ; предлагаетъ для этого не останавливаться передъ большими издержками, т. е. передъ новыми, кромѣ того, взысканіями съ того же крестьянства. Несостоятельность этихъ предложеній очевидна изъ сдѣланнаго рассмотрѣнія. Къ этому докладчикъ добавилъ, что личное землевладѣніе требуетъ траты огромныхъ денегъ при каждомъ переходѣ земли отъ одного лица къ другому. Причемъ въ составъ этой траты входитъ, такъ называемая, ложная цѣнность, отнюдь не являющаяся результатомъ дѣятельности землевладѣльца и больше всего интере-

сующая владѣльцевъ. Но, тѣмъ не менѣе, хозяйствомъ помѣщики, несмотря на чрезвычайную помощь и ростъ земельныхъ цѣнъ, не занимаются, изъ деревень бѣгутъ, имѣнія оставляютъ за собой ради политическихъ правъ (ценза) или ради выжиданія еще болѣе высокихъ цѣнъ. При личномъ землевладѣннн и капиталовладѣннн даже страны съ высокой вывозной промышленностью приходятъ къ такимъ внутреннимъ осложненіямъ, что и для нихъ остается одно изъ двухъ—или снова заняться варварскимъ военнымъ избіеніемъ народовъ, или же реформированіемъ отъ права личного капиталистическаго, къ праву естественному, общинному^а. Но надлежащее реформированіе, какъ уже указано, оказывается невозможнымъ.

Въ заключеніе докладчикъ высказался, что на этотъ разъ интеллигенція не должна держаться теоріи „тѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, указавъ для этого серьезныя причины и предложилъ настаивать, чтобы историческое общинно-земельное сельское и волостное самоуправленіе было восстановлено вмѣстѣ съ учрежденіями, какія были у пос. крестьянъ, но безъ бюрократизаціи, т. е. гласныя и выборныя. Частные предприниматели не должны быть допускаемы ни къ мѣстному, ни къ общему законодательству. Они должны заняться болѣе культурной предпримчивостью и давать отъ излишковъ своей доходности на общія и мѣстныя нужды населенія, а не облагать послѣдняго податями и безъ того непосильными. Крестьяне, превратившіеся въ наемныхъ рабочихъ, должны тоже получить самоуправленіе и правительственную помощь по существу. Церкви, семинаріи и первоначальныя школы должны снова приблизиться къ служенію живой правды и живымъ навыкамъ. Задача просвѣщенныхъ слоевъ Россіи состоитъ въ переходѣ къ по существу историческому народному самоуправленію, а не въ усиленнн взысканія и права каждаго ѣсть другъ друга, которое, по счастью, только именуется общимъ, но въ жизни остается частнымъ и развѣчивающимъ современную цивилизацію.

По прочтеннн доклада произошли оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе Н. М. Павлиновъ, А. Ф. Брандтъ, А. В. Васильевъ, А. А. Леонтьевъ, К. Н. Нардовъ и докладчикъ.

Н. М. Павлиновъ находилъ, что земскому началу въ виду его публичности и гласности приходится отдать предпочтеніе передъ замкнутымъ общиннымъ самоуправленіемъ.

А. Ф. Брандтъ высказалъ мнѣніе, что не отмѣна Киселевскихъ законовъ была причиной развитія міроѣдства, а естественный ростъ населенія при уменьшенномъ волѣдствіи рекрутчины числѣ рабочихъ рукъ. Передѣлы же существовали и до Киселева.

А. А. Леонтьевъ указалъ на увлеченіе докладчика законами 1838 года, такъ какъ они давали безграничный просторъ произволу окружныхъ начальниковъ, и не обезпечивали крестьянству свободы и равноправія. Что касается передѣловъ, то весенній передѣлъ касался лишь земель по ихъ натуральному положенію: коренныя же передѣлы происходили въ гораздо большія промежутки времени.—Если затѣмъ частно-предпринимательское начало, выдвинутое въ докладѣ, должно означать эгонстическіе интересы земскихъ дѣятелей, то онъ протестуетъ противъ такого нареканія на земство, дѣятельность котораго насквозь проникнута безкорыстіемъ.

А. В. Васильевъ указалъ, что по реформѣ 38 г. всѣ взысканія ложились на личный трудъ крестьянъ, но не на землю; теперь же хотятъ сдѣлать землю предметомъ торга. Это превращаетъ крестьянъ въ пролетаріевъ и кладетъ фундаментъ предпринимательскому началу, основанному на жизни на счетъ чужого труда. Взглядъ докладчика

имѣетъ въ Россіи давно сторонниковъ; такъ кн. Васильчиковъ считаетъ, что земля должна быть собственностью земледѣльца.—Мысль о смѣшеннн законодателя съ частнымъ предпринимателемъ нужно понимать такъ: все современное самоуправленіе зиждется на имущественномъ цензѣ. Такъ какъ крупныя собственники живутъ не отъ личного труда, а отъ эксплуатаціи своихъ жильцовъ или арендаторовъ земли, то частно-предпринимательскіе интересы этой эксплуатаціи опредѣляютъ ихъ поступки, а не интересы трудящихся массъ. Докладъ весьма цѣненъ, какъ живой голосъ, стоящій особнякомъ отъ господствующаго мнѣнія.

К. Н. Нардовъ отрицалъ правильность утвержденія докладчика, что трудовое начало общины было уничтожено законодательствомъ 60-хъ и послѣдующихъ годовъ. Основное право общины, заключающееся въ періодическихъ передѣлахъ, существуетъ еще понынѣ. Не нарушено трудовое начало и податными законами, такъ какъ при недоимкахъ земля сдается лишь на 6 лѣтъ въ аренду, но не выбрасывается на рынокъ. Единственно, что подкапывается подъ общинное начало—это отмѣна круговой поруки и, затѣмъ, право арендатора недоимочной земли сохранить аренду всего участка, хотя бы по новому передѣлу онъ долженъ былъ быть урванъ. Однако, случаевъ такихъ арендъ за 1900 годъ на 47.000 общинъ Европейской Россіи было всего только 112. Между тѣмъ, эта сдача въ аренду есть лучшая мѣра взысканія. Въ подрывѣ трудового начала общины виновата не податная организація, а непомѣрный бюджетъ и непосильное обложение крестьянства.

Предсѣдатель И. М. Тютрюмовъ, резюмируя пренія, указалъ, что новѣйшіе податные законы не такъ страшны и что не они гнетутъ крестьянское хозяйство, а чрезмѣрные платежи. Перехода къ докладу, онъ отмѣтилъ, что законъ 1838 г. относился къ свободнымъ людямъ, а реформа 1861 г. къ недавнимъ рабамъ, которыхъ она не могла оставить безъ попечительства; потому то она не дала и не могла имъ дать полной свободы и равноправія.—Приравненіе земства въ его дѣятельности на пользу крестьянства къ бюрократическому вмѣшательству—слышать очень странно, тѣмъ болѣе въ юридическомъ обществѣ. Что касается работъ редакціонной комиссіи, то въ отношенн общины она стала на правильную точку зрѣнія, предоставивъ элементамъ, стремящимся изъ нея прочь, свободный выходъ. Страдаетъ община отъ обязательнаго выхода изъ нея интеллигентныхъ элементовъ (при поступленн въ высшія учебныя заведенія, напримѣръ); но если она жизнеспособна, она отъ проектируемыхъ редакціонной комиссіей мѣръ не погибаетъ. Пожалѣвъ о томъ, что докладчикъ не прибѣгъ къ трудамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, дающихъ богатѣйшій матеріалъ по вопросу объ общинѣ предсѣдатель затѣмъ отъ имени собранія благодарилъ его за интересный докладъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Подписнику № 3985.

1) Имѣетъ ли право ломбардъ принять участіе въ уголовномъ дѣлѣ по обвиненію въ мошенничество лицъ, заложившихъ вещи, добытыя путемъ преступленія, въ ломбардѣ, или же ломбарду принадлежитъ лишь право обжалованія приговора по 860 ст. уст. угол. суд.?

2) Если ломбардъ можетъ принять участіе въ дѣлѣ, то въ качествѣ кого именно, если потерпѣвшимъ не

предъявлено гражданскаго иска къ ломбарду, а таковой предъявленъ къ подсудимымъ, заложившимъ не все вещи въ ломбардъ; вещи же, заложенные въ ломбардъ, могутъ быть отняты отъ него на основаніи 777 уст. уг. суд.?

Ломбардъ, не отвѣчая по закону за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ третьихъ лицъ, а будучи лишь обязанъ возратить въ силу ст. 375 и 777 уст. угол. суд. вещи, добытыя преступнымъ дѣяніемъ ея хозяину и притомъ безъ требованія о томъ послѣдняго, не допускается къ участию въ уголовномъ процессѣ въ періодѣ разбирательства въ первой инстанціи, но можетъ воспользоваться участіемъ въ обжалованіи судебного приговора примѣнительно къ ст. 860 уст. угол. сус. въ виду разъясненія угол. касс. деп. 1884 г. № 50 по дѣлу Капрукшиса, что неучаствовавшее въ дѣлѣ лицо можетъ подавать жалобы на судебный приговоръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ обязываетъ также неучаствовавшее въ дѣлѣ лицо совершить тѣ или другія дѣйствія или не препятствовать совершенію ихъ.

Подписнику.

Если мѣщанинъ, имѣвшій право на надѣлъ земли по лотерейному акту, утратилъ его за неприпиской къ обществу, и надѣлъ этотъ переданъ былъ въ распоряженіе общества по правиламъ 20 октября 1867 г., то смѣлъ этого мѣщанина, принятый впоследствии въ общество по приемному приговору, безъ точной оговорки о надѣленіи его землей, имѣетъ ли право требовать надѣла отъ общества при условіи, что въ распоряженіи общества имѣются переданныя обществу, согласно указаннымъ выше правиламъ, свободныя земли и въ какомъ порядкѣ должно быть заявлено такое требованіе?

За передачей въ распоряженіе общества того участка, отъ котораго отказался отецъ мѣщанина, этотъ мѣщанинъ, конечно, не можетъ протираться своихъ правъ на указанный участокъ. Затѣмъ, если въ обществѣ существуетъ общинное пользованіе землей, то этому мѣщанину, какъ принятому въ общество безъ всякихъ ограниченій, долженъ быть отведенъ обществомъ, соотвѣтственный надѣлъ при ближайшемъ передѣлѣ земли. Если же въ обществѣ существуетъ подворное владѣніе землей, то указанное лицо можетъ принимать, наравнѣ съ другими членами общества, участіе въ пользованіи лишь той частью общественной земли, которая, не принадлежа къ составу подворныхъ участковъ, состоитъ въ непосредственномъ распоряженіи общества. Нельзя, конечно, отрицать совершенно права этого лица на полученіе особаго надѣла изъ свободныхъ земель, переданныхъ въ распоряженіе общества, на основаніи правилъ 20 октября 1867 г., ибо, согласно ст. 8 этихъ правилъ, таковыя земли предоставляются, между прочимъ, для надѣла нуждающихся въ землѣ членовъ общества, но, наряду съ указаннымъ лицомъ, въ обществѣ могутъ быть и другіе, коренные члены общества, нуждающіеся въ землѣ. Ходатайство объ отводѣ надѣла должно быть непосредственно заявлено сельскому сходу, приговоръ котораго можетъ быть обжалованъ общеустановленнымъ порядкомъ. Затѣмъ, въ случаѣ признанія крестьянскими учрежденіями обязанности общества отвести надѣлъ и неисполненія обществомъ этой обязанности, искъ о взысканіи убытковъ за непользованіе землей можетъ быть предъявленъ въ судебномъ порядкѣ.

Подписнику.

Обязано ли правленіе городского общественнаго банка, по требованію думы, представлять на ея утвержденіе смету расходовъ на содержаніе правленія? Не вправе ли правленіе, опираясь на ст. 11 и 12 полож. о гор. общ. банкѣ, ограничиться представленіемъ на утвержденіе думы одного только росписанія должностей въ канцеляріи банка, безъ указанія предположеннаго по нимъ содержанія?

Буквальный смыслъ ст. 4 полож. о город. общ. банк. не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что назначеніе содержанія директору городск. банка и его товарищамъ зависитъ отъ городской думы. Но отъ нихъ же въ конечномъ итогѣ зависитъ также назначеніе содержанія служащимъ въ канцеляріи банка, ибо, за силою ст. 11 положен. о городск. общ. банк., „штатъ канцеляріи, по представленію правленія, утверждается городской думою“, а „штатомъ“, по терминологіи нашего законодательства (уст. служб. гражд. ст. 539, 543, 544 и др.) называется постановленіе, коимъ устанавливается для даннаго учрежденія росписаніе не только должностей, но и присвоеннаго каждой изъ нихъ содержанія. Городской думѣ, такимъ образомъ, принадлежитъ безусловное право требовать, чтобы смѣта на содержаніе правленія банка (директора, его товарищей и чиновъ канцеляріи) ежегодно представляема была на его утвержденіе. Статья же 12 полож. о город. общ. банк. сюда рѣшительно никакого отношенія не имѣетъ. Изъ того, что ею на дирекцію банка возлагается забота „о возможномъ сокращеніи расходовъ по содержанію онаго“ никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, будто бы назначеніе содержанія личному составу банка зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія директора и его товарищей. Наоборотъ, истинный смыслъ 12 ст. заключается въ томъ, что директоръ и его товарищи должны заботиться о сокращеніи расходовъ, какъ во время составленія смѣты, имѣющей быть представленной на утвержденіе думы, такъ и во время приведенія утвержденной думою смѣты въ исполненіе.

Подписнику № 915.

Возможно ли привлеченіе врача за изнасилованіе съ растлѣніемъ своей пациентки въ возрастѣ болѣе 16 лѣтъ, если эта послѣдняя вслѣдствіе нахожденія въ состояніи безсознательности, благодаря предварительному гипнотическому внушенію врача, не оказала субъекту насилія никакого сопротивленія, а равно своевременно не заявила о томъ изъ чувства женской стыдливости подлежащимъ властямъ?

За изнасилованіе имѣющей болѣе четырнадцати лѣтъ отъ роду дѣвicy или женщины виновный подвергается по ст. 1525 улож. наказ. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы отъ четырехъ до восьми лѣтъ. Наказаніе это, согласно п. п. 4 и 5 ст. 1526 того же уложенія, возвышается одною степенію, когда изнасилованіе учинено надъ лицомъ, приведеннымъ въ состояніе безпамятства или неестественнаго сна самимъ насилующимъ или по его распоряженію, а также когда оно совершено лицомъ, имѣвшимъ какую либо власть надъ потерпѣвшею или же врачомъ, въ то время ее пользовавшимся. Наконецъ, если изнасилованіе было соединено съ растлѣніемъ, то по ст. 1528 улож. наказ. виновный подвергается наказанію опредѣленному за изнасилованіе въ высшей мѣрѣ. Изъ смысла приведенныхъ карательныхъ постановленій слѣдуетъ, что, какъ то было разъяснено рѣш. угол. касс. деп. по дѣлу Вѣлокобыльскаго

1881 г. № 1, изнасилование предполагает плотскую связь при противодействии и вопреки воле жертвы преступления. Но для оказания такого противодействия необходимо, чтобы жертва преступления обладала сознанием о совершенном над нею действии и имела волю ему противодействовать. Если же жертва во время совершения преступления не обладала ни сознанием, ни волею, то нельзя требовать от нея противодействия и на основании его основывать безнаказанность. Таким образом, неказание сопротивления жертвою насилия, находившегося в состоянии безсознательности, не устраняет наличности и уголовнонаказуемого деяния, именуемого изнасилованием. В частности к безсознательному состоянию слѣдует отнести и пассивное отношение жертвы насилия, вызванное гипнотическим внушением, так как последнее приводит к временному потемнѣнію психической дѣятельности. Наконец, для наказуемости изнасилования своевременность жалобы потерпѣвшей или ея законных представителей имѣет значение лишь в томъ смыслѣ, что жалоба должна быть подана до истечения давностнаго срока, погашающаго наказание за изнасилование. По всѣмъ изложеннымъ основаниямъ на поставленный выше вопросъ слѣдует дать утвердительный отвѣтъ.

Подписчику № 2733

Какое преступленіе совершилъ мировой судья, который, отобравъ отъ явившагося къ нему въ канцелярію суда за деньгами типографшика подписанные счета, не возвратилъ этихъ счетовъ по просьбѣ явившагося, а приказалъ городовому вывести его изъ канцеляріи черезъ комнату засѣданія.

Мировой судья въ случаѣ совершения имъ описаннаго въ вопросѣ дѣянія подлежитъ ответственности за превышеніе власти. Привлеченіе же его къ таковой зависитъ отъ соединеннаго присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Подписчику.

1) *Лицо, приобрѣвшее исполнительный листъ съ надписью: „настоящій исполнительный листъ передаю въ собственность купцу С., отъ котораго по настоящему исполнительному листу деньги получилъ сполна“, имѣетъ ли право обратиться съ искомъ объ обратномъ требованіи уплаченныхъ имъ денегъ, послѣ того какъ должникъ былъ объявленъ несостоятельнымъ и рѣшительно никакого имущества у него не оказалось?*

Не имѣетъ права, такъ какъ лицо, уступившее въ собственность исполнительный листъ, отвѣчаетъ за его подлинность, но не за кредитоспособность обязаннаго по исполнительному листу лица (отвѣчаетъ за веритетъ, но не за бонитетъ). Однако, лицо, исполнительный листъ приобрѣвшее, не лишается права доказывать, что въ силу тѣхъ особыхъ условий, согласно которымъ исполнительный листъ имъ приобрѣтенъ, такая отвѣтственность была установлена. Напр., лицо, исполнительный листъ уступившее, могло принять на себя отвѣтственность за полную уплату всей слѣдуемой суммы.

2) *Отвѣчаетъ ли поручитель за векселедателя по непротестованному векселю согласно новому вексельному уставу?*

Хотя постановленія устава по этому вопросу отличаются нѣкоторымъ противорѣчіемъ, мы полагаемъ, однако, что отвѣчаетъ (ср. комментарий къ векс. уст. Каминка стр. 144).

НОВЫЯ КНИГИ.

АЛМАЗОВЪ, А. Испытаніе освященнымъ хлѣбомъ. (Видъ „Вожьяго суда“ для облегченія поимки вора). Греческій уставъ совершенія его по рукописи XVII в., съ краткимъ историч. очеркомъ. Одесса 1904. 25 к.

АЛЕКСѢЕВЪ, В. Древніе соборы древней Руси. Ростовъ на Дону. Изд. газ. „Донская рѣчь“ Стр. 55. Ц. 15 к.

БАШМАКОВЪ, А. Законодательная техника и народное право. Спб. 1904 г. 20 к.

В. К. Ф. Конспектъ по исторіи русскаго права. (Древній и Императорскій періоды). Изд. А. А. Гамейстеръ Спб. 1904 г. Стр. 170 Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЙШТОРЪ, І. Э. Экономическое обследованіе района Китайской восточной желѣзной дороги. Западная и Восточная линія. Спб. 1904 г. Стр. 236 и 1 карта.

ГЕССЕНЪ, В. Вопросы мѣстнаго управления Спб. 1904 г. 1 р.

ГОЛОВАЧЕВЪ, П. Иркутское лихолѣтье 1758—1760 г.г. („Лѣтопись о Крыловѣ“ и ея разборъ М. 1904 г. 40 к.

ГРИГОРЬЕВЪ, В. Ю. Перемены въ условіяхъ экономич. жизни населенія Сибири (Енисейскій край). Вып. I Красноярскъ стр. 103 Ц. 50 к.

КОЛЬЦЕВЪ, Ал. Рабочіе на приискахъ Сибири. Томская горная область. Изд. т-ва „Сѣверное Эхо“. Спб. 1904 г. 1 р. стр. 166.

СВОДНЫЙ балансъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и кассъ на 1-е января 1903 г. стр. 57.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго № 21.

Н. И. Лазаревскій.

Движеніе по государственной службѣ.

П Р И К А З Ы.

По вѣдомству министерства юстиціи 1-го марта 1904 г., № 4.

Назначаются: пом. дѣл. пер. деп. м. ю. IX кл., Краковскій и X кл., графъ Капнистъ и прич. къ м. ю., ком. для зап. въ канц. общ. соб. и соедин. приуц. 1-го касс. деп. Прав. С., окон. к. юрид. н. въ Императ. ун., съ дип. вѣ. ст., Шестаковъ: пер.—м. дѣл., вт.—пом. дѣл. IX кл. пер. деп. и посл.—испр. дол. пом. дѣл. X кл. вт. деп. м. ю., всѣ трое—съ 1-го фев. 1904 г.

Причисляются къ мин.: нач. отд. хоз. деп. м. в. д., Абель, пом. мир. с. шаропан. отд. ок. кутаисс. окр. с. для прозв. слѣд., Глаголевъ, секр.: усть-медвѣдиц. окр. с., Глазковъ и при прок. воронеж. окр. с., Орловъ и ст. кан. на дол. по су. вѣд.: при суд. пал.: с.-петербург., Инглеви, саратов., Толчѣвъ, кievск., Кубашевскій и при окр. с.: с.-петербургск., Гибшманъ, варшавск., Рыбниковъ, плоцк., Голиковъ, самарск., Радекеръ, новгород., Штильмаркъ, полтавск., Васильевъ, люблинск., Янушкевичъ, виленск., окон. к. юр. н. въ Демидовск. лицей, съ зв. дѣйст. ст., Смирновъ и либавск., Яковлевъ—съ отком. къ испр. дол. суд. слѣд.: Абель 4-го уч. гор. С.-Петерб., Глаголевъ—3-го уч. Ватадпаш. у., окр. екатеринод. окр. с., Глазковъ—4-го уч. 2-го